

Филип Янси

ПОЧЕМУ?

Вопрос, который
остается всегда

Перевод Юрия Шпака

Киев 2015

УДК 27-42
ББК 86.37-43
Я 54

Перекладено за виданням:

Philip Yancey
**The Question
That Never Goes Away**

Де Бог, коли я страждаю?

Це питання лунає мовчазним рефреном кожного разу, коли стається біда — не має значення, з однією людиною, чи цілою нацією. Варто трапитися природному катаклізму, епідемії, війні чи черговому теракту, - й одразу сотні людей волають до небес: «Доки, Господи?!» Якщо ми не можемо довірити Богові безпеку наших дітей та захист близьких від болючої смерті, то в чому взагалі можна Йому довіряти?

Майже 25 років тому Філіп Янсі написав гучну книгу, де спробував викласти власний погляд на цю вічну проблему. Сьогодні події, що відбуваються на трьох континентах та лихоманяць людство, примушують його знову взятися за перо.

З притаманною авторів прямоотою й щирістю книга звертається до тих, хто несе тяжкий тягар страждань, чия віра похитнулася від перенесеного болю, хто зазнав зневіру до Бога і людей, але все одно намагається знайти сенс у тому, що відбувається навколо, й розібратися у питанні, яке лишається завжди.

Видання російською мовою.

Филип Янси

Я 54 Почему? Вопрос, который остается всегда/ Филип Янси;
пер. с англ. Юрий Шпак — К.: Ефетов А.В., 2015. — 156 с.
ISBN 978-966-8795-23-7

УДК 27-42
ББК 86.37-43

Originally published in the U.S.A. under the title:

The Question That Never Goes Away
Copyright © 2013 by Philip Yancey

Published in agreement with the author, c/o Creative Trust Literary Group,
Brentwood, TN, U.S.A
All rights reserved.

ISBN 978-966-8795-23-7 (рос.)
ISBN 978- 0-9896105-0-6 (англ.)

© Видавнична група «Нард»,
видання рос. мовою, 2015
© Philip Yancey, 2013

*Затрепетало сердце, вскрикнуло: «О, Бог!»
И так познал я — Ты в скорби моей.*

Джордж Герберт, «Бедствия (III)»

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1: Где же Бог?	7
<i>Вопрос возвращается</i>	10
<i>Омраченное Рождество</i>	13
Часть 2: «Я хочу знать: почему!»	17
<i>Сначала толчки, затем волна</i>	20
<i>Лицом к лицу с трагедией</i>	23
<i>Почему?</i>	28
<i>Наша единственная надежда</i>	35
<i>Смещение акцента</i>	38
<i>«Ищи помощников»</i>	43
<i>Не навреди</i>	49
Часть 3: Когда Бог проспал	59
<i>«Откуда такая жестокость?»</i>	63
<i>Слепой и беззубый мир</i>	68
<i>Крики о помощи</i>	72
<i>По соседству</i>	76
<i>Луч надежды</i>	82
<i>Боль во благо</i>	86
<i>Пространство для роста</i>	91

Часть 4: Исцеляя зло	97
<i>Город скорби . . . . .</i>	<i>100</i>
<i>В пожарной части. . . . .</i>	<i>105</i>
<i>Вера испытанная и укрепившаяся. . .</i>	<i>108</i>
<i>Оборванная жизнь. . . . .</i>	<i>113</i>
<i>Две универсалии . . . . .</i>	<i>117</i>
<i>Трудные вопросы . . . . .</i>	<i>122</i>
<i>Смерть, не тщеславься. . . . .</i>	<i>126</i>

Часть 5: Три величайших испытания . 133

<i>Благодарности . . . . .</i>	<i>141</i>
<i>Первоисточники . . . . .</i>	<i>143</i>

ЧАСТЬ 1

ГДЕ ЖЕ БОГ?

Мой отец подхватил полиомиелит незадолго до моего первого дня рождения. Он лежал неподвижно, парализованный ниже шеи, в шумной железной машине, которая вентилировала его легкие, помогая дышать. Мама приводила меня и моего трехлетнего брата в больницу и поднимала нас к окну изолятора, чтобы ее муж, взглянув в зеркало, увидел сыновей. Он не мог ни взять нас на руки, ни даже прикоснуться к нам.

Отец готовился отправиться миссионером в Африку, и, когда он заболел, несколько тысяч человек в молитвенной цепочке решили молиться о его исцелении. Они не могли поверить, что Бог «заберет» такого молодого и полного сил человека, которого впереди ожидало яркое будущее в служении. Более того, ближайшие друзья моего отца были настолько уверены, что он поправится, что сделали шаг веры и с его разрешения вытащили больного из железного «легкого», в котором тот лежал. Через две недели он умер. Я вырос без отца под мрачной тенью неотвеченной молитвы.

Позже, будучи молодым журналистом примерно того же возраста, что и мой отец в момент его смерти, я начал работать над серией статей рубрики «Драма в реальной жизни» для журнала «Ридерз

Дайджест». Они рассказывали о людях, переживших трагедию, и я снова и снова слышал от опрошенных, что «христиане делали все только хуже», давая

Для многих людей страдания сродни фоновому шуму в их жизни

противоречивые и сбивающие с толку советы. *«Бог наказывает Вас».* «Нет! Это сатана!» *«Ни то, ни другое. Бог допустил ваши страдания не в качестве наказания, а из любви, ибо вы были особо избраны, чтобы продемонстрировать веру».* «Нет! Бог желает вашего исцеления!»

Я понятия не имел, что сказать этим людям, и, по правде говоря, сам нуждался в ответах. Сталкиваясь с каким-нибудь мучительным вопросом, я обычно начинаю писать о нем, поскольку сам этот процесс предоставляет мне возможность пообщаться с экспертами, посидеть в библиотеках и обратиться к Библии. В результате, в возрасте 27 лет я написал свою первую настоящую книгу: «Где Бог, когда я страдаю?»

Хотя я писал на самые разные темы, но этот вопрос, омрачавший мне детство и доминировавший в ранний период моей писательской карьеры, всегда оставался. Я по-прежнему получаю неослабевающий поток откликов от людей, раздавленных болью и страданиями. Недавно я извлек из архива все письма, пришедшие от тех, кто пытался найти ответ на этот вопрос — всего их более тысячи. Еще раз перечитав их, я напомнил себе о том, что для многих людей страдания сродни фоновому шуму в их жизни. Кто-то живет с болезнями, хронической физической

болью или проклятием одиночества в клинической депрессии. Другие же испытывают постоянные душевные муки из-за беспокойства о близких: о муже, который сражается с зависимостью; о детях, ставших на путь саморазрушения; о ком-то из родителей с болезнью Альцгеймера. В некоторых уголках земли простые люди ежедневно сталкиваются с серьезными страданиями из-за нищеты и несправедливости.

Один из наиболее насущных вопросов в своем письме ко мне сформулировала шестнадцатилетняя девушка, изучавшая материалы уголовного судопроизводства:

Разбирая дела об убийствах, я все больше узнавала о жертвах, их семьях и невыносимых муках, которые они перенесли. Я не говорю о мучениках или миссионерах, добровольно отдавших жизнь за свою веру, а о невинных жертвах безумных преступлений. Я верю в небесного Отца, Который любит Своих детей и желает всем нам добра. Хотя я не думаю, что все эти ужасные страдания людям причинил Бог, мою веру испытывает на прочность вопрос: «Почему Он не вмешался, хотя мог помочь?» Отсюда вытекает мой следующий вопрос... Если Бог не защитил тех людей и невинных детей, которых подвергали мучениям (хотя некоторые из них даже зывали к Богу о спасении), то где мне взять веру в то, что Он защитит *меня*? Я хочу верить, но чувствую себя, как тот человек из Библии, который сказал Иисусу: «Верую... Помоги моему неверию».

Вопрос возвращается

У меня есть кое-какой собственный опыт страданий: переломы костей, незначительные операции, автокатастрофа, едва не стоившая мне жизни... Но куда больше я узнал, слушая истории других людей. Когда моя жена работала капелланом в хосписе, за ужином она часто пересказывала мне разговоры с семьями, которые должны были смириться со смертью. Наша еда становилась приправленной слезами. Кроме того, как журналист, я слышал душераздирающие истории от многих других: от родителей, скорбящих о самоубийстве своего сына-гомосексуалиста; от пастора, переносящего усиливающийся натиск мучительного и смертельного недуга; от китайских христиан, переживших зверства Культурной революции.

Поскольку я снова и снова возвращаюсь к вопросу страданий, меня иногда приглашают выступать на тему, поднятую в моей первой книге: «Где Бог, когда я страдаю?» Никогда не забуду тот день, когда я обошел импровизированные мемориалы, возникшие, словно грибы после дождя, в кампусе Политехнического университета Виргинии, а после стоял перед тысячей студентов, и их такие юные лица были омрачены скорбью о гибели тридцати трех однокашников и преподавателей. Или до ужаса похожую сцену в следующем году, когда я планировал говорить на совершенно другую тему в индийском городе Мумбаи, но из-за террористической атаки на гостиницу «Тадж Махал» и другие здания был вынужден сменить место проведения и тематику мероприятия, вновь вернувшись к вечно актуальному вопросу.

В 2012 году я говорил на эту тему трижды, обращаясь к аудитории в самых удручающих обстоятельствах: первый раз — после катастрофического стихийного бедствия; второй — в городе, разрушенном войной; а в третий это было ближе всего к дому, и, быть может, потому оказалось наиболее тягостным событием.

В марте я выступал перед общинами в японском регионе Тохоку в первую годовщину цунами, которое ударило в берег со скоростью реактивного авиалайнера, ломая, как палочки для еды, железнодорожные полотна и разметая по разоренной местности корабли, автобусы, дома и даже самолеты. Получив в наследство от катастрофы 19 тысяч погибших и целые деревни, смытые в море, страна деловых материалистов, у которых обычно не хватает времени на богословские вопросы, теперь не могла думать ни о чем другом.

В октябре я говорил на эту же тему в Сараево — городе, который четыре года провел без отопления, газа и электричества, со скудными поставками продуктов и воды, выдержав самую долгую осаду в истории современных войн. Десять тысяч жителей погибли от пуль снайперов и ежедневных обстрелов артиллерии, когда снаряды и мины сыпались с неба, словно град. Один из переживших осаду признался мне: «Самое худшее — это то, что ты призываешь к злу. Знай мы заранее, сколько это все продлится, то, наверное, покончили бы с собой. Но со временем тебе становится все равно. Ты просто пытаешься выжить».

Когда 2012 год приближался к завершению, мне выпала задача, наверное, самая сложная из всех, но не с точки зрения количества страданий — разве их можно измерять количеством? — а по накалу полней-

шего ужаса и глубочайшей скорби. В первые выходные после Рождества я обратился к общине Ньютауна, штат Коннектикут, — города, содрогнувшегося от бессмысленного убийства двадцати первоклассников и шести учителей и других сотрудников школы.

Царившее там настроение хорошо передал водитель санитарной машины. «Все мы в пожарной охране и в бригадах скорой помощи — волонтеры, — сказал он. — Мне порой приходилось сталкиваться с ужасными вещами, но у нас нет специальной подготовки к чему-то вроде *этого...* Ни у кого нет. Моя жена преподает в начальной школе ‘Сэнди-Хук’. Она знала каждого из этих двадцати детей по имени, как и убитых сотрудников. Она шла в трех шагах позади директора школы, Доны Хокспранг, когда Дона крикнула: ‘Назад! Там парень с оружием!’ Пересидев бойню в укрытии, моей жене пришлось пройти мимо тел своих коллег в коридоре. И мимо детей...».

На мгновение сделав паузу, чтобы совладать с голосом, он продолжил: «Все в той или иной степени испытывают скорбь, и в самом худшем случае это — скорбь о потере ребенка. Работая в службе экстренного реагирования, я вижу, как она влияет на людей — особенно после самоубийств. Вы живете с этой скорбью, как в какой-то оболочке, и только со временем начинаете понемногу возвращаться во внешний мир. Вы ходите в магазин, возвращаетесь на работу... Постепенно внешний мир все больше овладевает вашим вниманием, и скорбь притупляется. Наш Ньютаун — небольшая община. Куда бы мы ни пошли, все напоминает о случившемся. Мы направляемся в магазин — и видим мемориалы в память о жертвах. Мы идем по улице — и видим знаки на веранде дома у тех, кто потерял ребенка. Мы не можем

сбежать от этого. Город словно накрыли стеклянным колпаком, из-под которого откачали весь кислород. Скорбь не дает нам дышать».

Приглашение приехать в Ньютаун я получил от моего давнего друга-англичанина по имени Клайв Калвер. В 1970-е годы, когда я был редактором журнала «Студенческая жизнь», выпускаемого организацией «Молодежь для Христа», он возглавлял британский филиал этой организации. Со временем наши пути разошлись. Клайв занялся международной благотворительной деятельностью, а я стал писателем. Сегодня Клайв — пастор преуспевающей церкви, насчитывающей 3500 человек, служения которой проходят неподалеку от Ньютауна. «Такое ощущение, что вся моя жизнь была лишь подготовкой к этой роли, — сказал он, позвонив мне за неделю до Рождества. — В ‘World Relief’ я возглавлял группу реагирования на случай стихийных бедствий. В ней были задействованы около 20 тысяч человек по всему миру. Но теперь это случилось у меня по соседству, и напрямую пострадали члены моей общины. Все они задают один и тот же вопрос, о котором ты много лет назад написал книгу: ‘Где Бог, когда я страдаю?’ Ты мог бы приехать и выступить у нас в церкви?»

Омраченное Рождество

Для меня Рождество 2012 года было не похоже ни на одно другое. Мой отец умер 15 декабря, и это всегда заглушало дух Рождества в нашей семье, а теперь стрельба на 14 декабря омрачила праздник для целой нации. Это было словно удар под дых. Что происходит с нами и с нашей страной? Ни у кого не

укладывалось в голове, что молодой человек из приличной семьи может вот так ворваться в школу и методично расстрелять два десятка испуганных первоклассников.

Я следил за выпусками новостей и изучал поминутную хронологию случившегося в тот день в начальной школе. Я прочитал опубликованные в Интернете биографии всех убитых детей, благодаря чему теперь знал каждого из них по имени и в лицо: потрясающие рыжие волосы Кэтрин; щербатая улыбка Даниэля; сияющий взгляд голубоглазой Эмили; шаловливая усмешка Джесса... Я читал о домашних любимцах этих детей, об их увлечениях и розыгрышах сверстников, об их пищевых аллергиях и любимых спортсменах. Хотя эти жизни и были прерваны на отметке в каких-то шесть-семь лет, они успели оставить на земле свой след.

Услышанное мной в те выходные в Ньютауне — истории, вопросы, возгласы смятения и протеста — оживило воспоминания о других реакциях на страдания, с которыми я сталкивался на протяжении многих лет. Почему случаются несчастья? Почему Бог позволяет злу следовать своим ужасным курсом? Что доброго может вытекать из подобных событий? Я не переставал бороться с этими вопросами с момента написания моей первой книги и вынужден был вновь столкнуться с ними, обращаясь к церковной общине Ньютауна.

Когда я отправился в Коннектикут, издатель книги «Где Бог, когда я страдаю?» временно сделал ее доступной для бесплатного скачивания. Я опубликовал ссылку в Facebook, а издательство выпустило пресс-релиз, но не стало рекламировать эту акцию. Мы ожидали, что откликнутся несколько сотен чело-

век, может быть — тысяча, но, как мы позже узнали, книгу в течение нескольких дней скачали более ста тысяч человек. Очевидно, что эта тема беспокоит многих, и потому я решил отложить в сторону другие писательские проекты и переосмыслить вопрос, который впервые исследовал более тридцати лет назад.

Работа над этой книгой совпала с затяжной зимой в горах Колорадо. Даже в апреле 2013 года я мог наблюдать через окно за потрясающе красивой картиной: вечнозелеными деревьями под слоем свежеснега, искрящегося золотом в лучах утреннего солнца на фоне неба цвета тропического океана. И, отрывая взгляд от этого великолепия, я должен был собирать воедино исполненные болью лица, увиденные в Японии, Сараево и Ньютауне.

Неожиданно их круг расширился. 15 апреля двое иммигрантов испортили день радости и триумфа в Бостоне, заложив бомбы у финишной черты Бостонского марафона. Забег, начавшийся с печальных двадцати шести секунд

молчания в память о жертвах Ньютауна, завершился невыразимой трагедией. Пятый по размерам город страны оказался парализованным из-за розыска полицией террористов, причинивших три смерти и сотни ранений. Через два дня в городе Уэст, штат Техас,

взорвался завод по производству удобрений, убив десятиерых пожарных и еще пять человек, но на фоне масштабной облавы, устроенной в Бостоне, это собы-

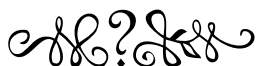
Страдания, будь они
катастрофическими
или обыденными,
всегда скрываются
где-то поблизости

тие осталось почти незамеченным. Позже на той же неделе китайскую провинцию Сычуань сотрясло землетрясение, унесшее жизни почти двухсот и ранившее более восьми тысяч человек. Совершенно очевидно, что вопросы о страданиях, поднимавшиеся в 2012 году, все так же оставались и в 2013.

На самом деле, я мог бы затронуть этот вопрос в любом году, ибо мы живем на хрупкой планете, терзаемой болезнями, наводнениями и засухами, землетрясениями, пожарами, войнами, насилием и терроризмом. Страдания, будь они катастрофическими или обыденными, всегда скрываются где-то поблизости. Я ежедневно получаю рассылку с сайта «Caring Bridge» с рассказами о том, что кто-то оказался в больнице, подключенным к аппарату жизнеобеспечения, или восстанавливается после инсульта, или борется с онкологией. Куда же в таком мире смотрит Бог?

Я полностью отдаю себе отчет, что никакая книга не сможет «решить» проблему боли, и все же чувствую побуждение передать другим то, что я узнал в краю страданий. Если у христиан есть радостная весть, послание надежды и утешения, которым они могли бы поделиться с израненным миром, то она должна начинаться именно с этого.

ЧАСТЬ 2

«Я ХОЧУ ЗНАТЬ: ПОЧЕМУ!»

Я влюбился в Японию в первый же визит в эту страну в 1998 году. Когда самолет подрулил к аэровокзалу, все носильщики и уборщицы кланялись, приветствуя нас. В гостинице коридорные бросаются к вам, чтобы поднести чемодан, и вежливо отказываются от любых чаевых. Вы въезжаете на автозаправку — и вашу машину обступают работники в белых перчатках (зачастую женщины), чтобы залить в бак бензин и помыть стекла и фары. И как они умудряются соблюдать свою униформу в такой безупречной чистоте? Когда вы отъезжаете, они низко кланяются и машут вам на прощание рукой, как будто вы оказали им огромную услугу, позволив послужить вам. Водители автобусов и такси в минуты между поездками стараются отполировать бамперы и вытереть пыль с сидений. Вы редко услышите автомобильный гудок даже в таком перенаселенном городе, как Токио, потому что водители терпеливо пропускают друг друга на перекрестках.

С тех пор я трижды возвращался в эту страну по приглашению моего японского издателя. Рынок книг христианской тематики в Японии очень мал. Христианами себя считают лишь один процент япон-

цев, и большинство церквей, имея двадцать-тридцать прихожан, едва сводят концы с концами. Хотя случайные посетители могут отыскать какую-нибудь церковь, чтобы попрактиковаться в английском языке или послушать западную музыку, новые члены общины здесь — редкость. Японцы уважают христианство (некоторые из их лучших романистов открыто писали о своей вере), но относятся к нему, как к западному импорту. В их современном, высокотехнологичном обществе религия выживает преимущественно в виде буддизма или синтоизма, и то — как некоего пережитка прошлого, а не динамичной составляющей повседневной жизни.

Прежде, чем обратиться к церкви или к общественному собранию, я всегда становился участником чайной церемонии, организованной в офисе приглашенной стороны, во время которой мы жевали сладости из бобовой пасты, обменивались подарками и согласовывали точную программу мероприятия: песня — три минуты и сорок секунд; объявления — две минуты; речь — двадцать семь минут; заключительное слово — двадцать секунд. Не уверен, что в японском языке есть выражение, обозначающее спонтанность.

Когда размышляешь о Японии, на ум приходят два слова: упорядоченность и красота. За многие столетия японцы сформировали общество, насквозь пропитанное ритуалами. Они кланяются друг другу в знак уважения и всегда ожидают, когда первым распрямится старший по возрасту. Приезжие быстро узнают, что полученную от другого визитную карточку следует держать перед собой обеими руками, внимательно изучая ее, чтобы продемонстрировать интерес. На людях никогда нельзя показывать по-

дошвы обуви и засовывать руки в карманы. Входя в дом или церковь, вы должны разуться и надеть гостевые шлепанцы.

Посещение уборной связано с еще одним набором ритуалов. Перед тем, как войти, вы снимаете домашние шлепанцы и надеваете туалетные — сделанные из пластика и украшенные изображениями мультяшных героев наподобие Микки Мауса или Хелло Китти. (Я слышал несколько забавных историй о том, как кто-то из заезжих важных персон забывал, выходя, сменить обувь и появлялся на сцене в академической шапочке, мантии и в туалетных шлепанцах на ногах.) Сам унитаз и его непосредственное окружение напоминают кабину реактивного самолета с набором кнопок и тумблеров для смены одноразового чехла на крышке, подогрева сиденья, включения восходящего душа и сушилки, а также множества других функций, которые я так и не осмелился испробовать.

И за всем этим формализмом скрывается глубокое понимание красоты. Чай подают в изящных фарфоровых чашках — никаких бумажных или пластиковых стаканчиков, — а стол украшают свежие цветы. Горожане одеваются по последней моде, а в некоторых сельских районах женщины до сих пор носят искусно выполненные кимоно. Некоторые японские домохозяйки каждое утро тратят целый час на подготовку коробки с *бэнто*: обеда для своих детей-школьников. Они выкладывают порции морепродуктов, риса, мяса и овощей в виде разноцветного орнамента, напоминающего персонажей мультфильмов, животных или известные памятники. Каждая японская семья, которой посчастливилось обзавестись домом с двориком, находит место для крошечного сада или пруда с золотыми рыбками. У меня и

по сей день не поднимается рука выбросить рождественские открытки из Японии — эти изысканные произведения искусства с раскрывающимися цветами или традиционными узорами кимоно.

Тем не менее, в мой последний визит в эту экзотическую и восхитительную страну я увидел нечто прямо противоположное упорядоченности и красоте. В один ужасный день цунами смыло самые большие ценности японского общества, заменив их грязью, разрухой и шоком.

Сначала толчки, затем волна

К надвигающемуся урагану можно подготовиться, забив окна фанерой, закрепив ставни или, на крайний случай, эвакуировавшись. Зловещие тучи и другие погодные признаки обычно предупреждают о приближающемся торнадо как минимум за несколько минут. Но цунами может накатиться на берег посреди ясного, погожего дня, и во мгновение ока, без какого-либо предупреждения твердая суша начинает биться в конвульсиях.

11 марта 2011 года в 2:46 дня восточное побережье Японии сотрясало землетрясение магнитудой в девять баллов. Оно длилось от трех до пяти минут, уродуя дороги, ломая мосты, опрокидывая мебель в домах и руша отдельные здания. Землетрясение было такой невероятной силы, что сдвинуло самый большой остров Японии почти на три метра в сторону Северной Америки. Затем все утихло на сорок пять минут, в течение которых люди приходили в себя и осматривали разрушения.

А потом пришла волна.

Стена воды, сформировавшаяся в эпицентре землетрясения далеко в океане, к моменту удара о берег успела разогнаться до скорости 800 км/ч. Приморский регион Тохоку просел почти на метр, широко открыв ворота для набегающей волны. В результате цунами хлынуло над береговыми ограждениями, словно великан, перешагнувший придорожный бордюр. Видеокадры, снятые свидетелями на свои «айфоны» (некоторые из них были найдены при осмотре у трупов), напоминают сцены со спецэффектами из фильмов ужасов: разметаемые, как игрушки, корабли, дома и грузовики; внезапно погружившийся под воду современный аэропорт; взорвавшаяся башня ядерного реактора, от которой поднимается густое облако черного дыма.

В британской школе один из учителей, услышав аварийную сирену, выглянул в окно на океан и увидел нарастающую стену тумана. «Наверное, это были брызги от цунами, но они выглядели настолько грандиозно и необычно, — вспоминал он. — Казалось, в океане кто-то развел огромный костер, от которого поднимались громадные, клубящиеся облака дыма. Волна несла тысячи обломков. Среди них были здания, корабли, машины, но издалека они выглядели совсем крошечными. Это было настолько потрясающее зрелище, что мой мозг был не в состоянии осознать его». Этот учитель вывел сорок два своих ученика в безопасное место, но более сотни других детей погибли в тот день, дисциплинированно ожидая инструкций от преподавателей.

Один священник осматривал повреждения своего дома после землетрясения, когда пришло полное ужаса текстовое сообщение от его дочери, живущей в Токио: «Беги! Беги! Беги!» В тот момент, после

сорока пяти минут тишины, это казалось странным, но без электричества пастор не мог включить радио и потому решил последовать совету дочери и эвакуироваться. Волна пронесла его на гребне, как серфингиста, и опустила посреди поля обломков, где он провел внутри машины два дня, пока его не обнаружили спасатели.

Еще один пастор после землетрясения убежал вместе с женой на возвышенность. Когда приблизилось цунами, на них налетел внезапный снежный шквал, и в течение нескольких минут они со своей безопасной точки ничего не видели. Они слышали, как волна накатилась, а затем начала стремительно отступать назад в море, унося с собой человеческие тела и тонны мусора. Этот поток отлива был не менее опасным, чем начальная волна. Океан семнадцать раз накатывался на берег и отступал подобно воде, плескающейся в ванне. С ударом каждой из шестнадцати волн пастор и его жена слышали истошные крики о помощи, а в завершение раздавался громкий, шипящий звук, словно из огромного водостока, и воцарилась тишина. Когда снежное облако рассеялось, их взору предстали полностью уничтоженные окрестности. Не уцелело ни одно здание — только крест их церкви торчал под неестественным углом, как сломанная кость. У пляжа возвышались несколько ободранных деревьев, которые указывали место, где всего лишь днем ранее был густой лес.

Когда огромная масса воды врывается в узкую бухту, приютившуюся между склонами холмов, гигантская волна набирала еще больше скорости и силы. На равнине ее высота составляла от трех до девяти метров, но в гористых бухтах она вздымалась до невообразимой высоты двенадцатиэтажного дома.

Имея за плечами большой опыт цунами, японцы хорошо организовали пункты эвакуации: школы, больницы, дома престарелых, — и многие жители, услышав предупреждающие сирены, устремились туда в поисках убежища. Но никто не ожидал цунами столь колоссальных размеров, и, по горькой иронии, много сотен людей погибло в тех самых зданиях, которые предназначались для их спасения.

В одном из домов престарелых, расположенном высоко на склоне холма, погибли сорок семь стариков. Сегодня сваленные в кучу на этом месте инвалидные кресла, матрацы и мебель стали мрачным мемориалом. В этом же городе несколько десятков человек забрались на крышу трехэтажного эвакуационного центра, но из них лишь единицы оказались не смытыми потоком, вцепившись в ограждение и в телевизионную антенну. В младшей школе семьдесят четыре ученика погибли, пока педагоги разбирались с процедурой их вывода на холм, расположенный сразу же за школьным зданием. Некоторым детям удалось добраться до склона, но, начав взбираться по нему, они скользили на заснеженном грунте и скатывались в смертельное чрево волны.

Лицом к лицу с трагедией

Ровно через год после землетрясения и цунами я приехал на несколько дней в пострадавший регион вместе с несколькими сотрудниками моего японского издателя. Раньше я никогда не видел вблизи такой разрухи. Даже спустя год местность выглядела унылой и опустошенной, словно с другой планеты. Я задал моим спутникам несколько вопросов, но основ-

ную часть времени молча смотрел в окно, пытаюсь проникнуться масштабом трагедии, постигшей их страну. Остальные пассажиры нашего микроавтобуса говорили мало, и я не мог прочесть чувства на их лицах. Мне вспомнилась строка из стихотворения Эмили Дикинсон: «Вслед за великой болью идет формальность чувств».

Но мои чувства были далеко не формальными. Совершив тур по опустошенному полуострову, когда-то известному своими самобытными рыбацкими деревнями, я, согласно расписанию, должен был говорить на тему «Где Бог, когда я страдаю?» перед хмурыми собраниями в регионе Тохоку, а также на общенациональной молитвенной встрече в Токио. Что мог сказать этим людям я — гость из другой страны, очутившийся посреди их боли? Большинство японцев вообще не верят в Бога. Как же я мог указать им на Бога благодати и милости, Которого научился любить? Он казался очень далеким от подобных событий.

Трудолюбивые японцы отремонтировали или заменили многие дороги, подняв дорожное полотно на несколько метров над просевшей землей. Рабочие уже разобрали почти все обломки и руины миллиона поврежденных зданий. Устояли только самые прочные строения, которые своими выбитыми окнами и вымазанными грязью, осыпающимися стенами напоминали призраков. Пейзаж уродовали искусственные горы из обломков и мусора. Некоторые из них достигали двадцати метров в высоту и занимали площадь городского квартала.

Другие регионы Японии отказывались принять двадцать три миллиона тонн мусора для сожжения или захоронения, опасаясь, что из-за аварии на атом-

ной электростанции он содержит загрязняющие или радиоактивные вещества. «Интересно, сколько было уничтожено автомобилей?» — произнес я вслух, когда мы проезжали мимо очередного кургана из покореженных машин. Один из японских коллег сразу же извлек смартфон и нашел ответ в Google: 410 тысяч.

Мы въехали в какой-то город, и, свернув за угол, увидели огромное грузовое судно длиной в три четверти футбольного поля, лежащее на бетонных основаниях бывшего здесь некогда жилого массива. Никто не знал, как его теперь вернуть обратно в океан, который находился в километре от этого места. Посреди города оказались семнадцать кораблей и около тысячи рыбацких катеров, смытых с побережья. Многие из них до сих пор валялись там, куда их забросило цунами: посреди рисового поля, во дворе гостиницы, на крыше больницы.

CNN и другие новостные компании оценивают масштабы стихийных бедствий на основе данных статистики, и цунами 2011 года по всем показателям стало одним из наиболее разрушительных с точки зрения человеческих и финансовых потерь. Впрочем, оказавшись на месте событий, я увидел это бедствие как множество уникальных людских историй, а не безликую статистику. Мужчина, который беспомощно наблюдал с высокого здания за тем, как его жену и детей уносит потоком вместе с их домом. Другая семья, чей дом врезался в мост, и это дало шанс на спасение всем восьмерым людям. Семь работников рыбоперерабатывающего завода, которые запрыгнули в микроавтобус и помчались к холмам, но застряли в дорожной пробке. Настигнув их, цунами начало швырять микроавтобус, словно в гигант-

ской стиральной машине, отчего пятеро рабочих погибли.

Я говорил с одним человеком, который жил на побережье возле города Сендай и провел вместе с женой четыре дня на крыше их дома. Внизу все было затоплено, и для того, чтобы выжить, им пришлось есть собачий корм. Этот мужчина предпринял несколько безуспешных попыток пробраться через ледяной поток, доходивший ему до груди. Войдя в воду в первый раз, он ощутил резкую боль в боку. Во время землетрясения падающие обломки дома сломали ему два ребра, но он заметил эту травму только сейчас. «Главное, что мне запомнилось, — это холод, — рассказывал он. — Мы дрожали в мокрой одежде, не имея ни источника тепла, ни еды. Оставалось только сидеть на крыше и ожидать спасателей».

В первые дни после цунами надежду на лучшее вселяли немногочисленные радостные истории о выживших. Восьмидесятилетняя бабушка провела девять дней под завалами вместе со своим внуком-подростком. Они переохладились, но в остальном не пострадали. Спасательный вертолет обнаружил шестидесятилетнего мужчину на крыше его дома, плавающего в пятнадцати километрах от побережья. Конечно, до нас доходят только истории о выживших, и мы не можем себе представить, какая участь постигла девятнадцать тысяч погибших. Аварийно-спасательные бригады, снаряженные для оказания помощи раненым, нашли относительно немного тех, кто нуждался в помощи. Сила цунами была так велика, что большинство его жертв просто смыло в океан.

Даже сейчас остаются огромные проблемы. В правительстве до сих пор ведутся споры о том, какие

города следует восстановить, а какие покинуть, как слишком уязвимые. Над всем пострадавшим регионом нависла туча страха и уныния. Как сказал мне один психолог: «Я понял, что ПТСР [посттравматическое стрессовое расстройство] — это ошибочный термин. После таких бедствий, как цунами, этот синдром является признаком *здоровья*, а не расстройства. Кто не испытал бы шока или стресса в такой ситуации?»
 Власти беспокоятся о росте числа самоубийств — показателя, по которому Япония и так занимает одно из первых мест в мире.

А ведь есть еще и Фукусима — город, возле которого расположена атомная электростанция, до сих пор остающаяся центральной темой новостей в Японии. По мере приближения к ней портативный счетчик Гейгера отсчитывал количество полученных нами микрозивертов в час. В отличие от районов, разрушенных цунами, в Фукусиме дома, магазины, храмы и офисные здания остались невредимыми. Их не достигла волна, но в них все равно было безлюдно. Из-за радиации и опасности новых взрывов реактора власти объявили этот город «закрытой зоной», и теперь по его улицам бродят только дикие или брошенные домашние животные. Бывшие жители Фукусимы стали изгнанниками внутри Японии. Их отказываются обслуживать в некоторых больницах и неохотно берут на работу в других регионах. Местным героем стал владелец похоронного бюро, согласившийся готовить к погребению тела умерших. В Японии это — важный ритуал, но никто не осмеливался взяться за эту работу из-за страха перед радиоактивным заражением. «Не рожайте детей!» — говорят своим детям пережившие катастрофу в Фукусиме, опасаясь генетических дефектов.

Будучи по природе сдержанными стойками, большинство японцев рассказывали мне свои истории монотонно, не выражая никаких эмоций. Но одна женщина вела себя иначе. Она провела больше часа за рулем, чтобы добраться ночью по временным дорогам на богослужение церкви, которая, лишившись здания, теперь собирается в типографии. В соответствии с характерным для Японии стилем макияжа, на ее лице был толстый слой белого грима, из-за чего она напоминала фарфоровую куклу. Ее пронзительные черные глаза смотрели на меня, почти не мигая. «Я провела два дня под кучей мусора и обломков! — сказала эта женщина. — А потом увидела, как ко мне тянется чья-то рука, вот так, — она внезапно схватила меня за ладонь, хотя для японцев подобные жесты совершенно нетипичны. — Я ухватилась за нее, и меня вытащили. Я потеряла все: семью, друзей, родной город. В него никто не хочет возвращаться. Города больше не существует. Пожалуйста, не забывайте о нас! Обо мне долго не вспоминали, а теперь забыли и о моем городе. Я хочу знать: почему!»

Почему?

О, как же нам хочется ответить на этот извечный вопрос! За события в Сараево и другие войны мы можем возложить вину на человеческое зло, причинившее бесчисленные страдания. То, что случилось в Ньютауне, в Бостоне и другие подобные трагедии, можно списать на умственные расстройства, радикальные идеологии, несовершенные законы о владении оружием и небрежность в воспитании детей. Но цунами и другие стихийные бедствия, в которых ви-

нить некого, мы классифицируем как «деяния Божьи».

Подобные катаклизмы — возможность для агностиков посостязаться в красноречии. После землетрясения 1755 года, разрушившего на День всех святых Лиссабон в Португалии, Вольтер и другие мыслители эпохи Просвещения отвергли веру в «лучший из всех возможных миров». Когда на следующий день после Рождества 2004 года еще одно цунами убило 280

тысяч человек в Азии, журнал «State» опубликовал статью под заголовком «Передайте Богу: на этот раз Он зашел слишком далеко». В ней Хэзер Макдональд писала: «Пришло время объявить Богу бойкот»:

Все попытки
количественно
оценивать
страдания
являются
тщетными

Бог знает, что Он может пассивно наблюдать, как бессмысленно обрывается человеческая жизнь, а на следующей день церкви, синагоги и мечети все равно будут наполнены верующими, благодарящими Его за то, что Он позволил выжившим выжить. Они будут просить Его исцелить раненых, игнорируя тот факт, что, стоит Ему захотеть, — этого бедствия вообще не случилось бы...

Как же заставить Бога действовать? Он ставит Себе в заслугу хорошее и не признает вины за плохое.

Православный богослов Дэвид Бенгли Харт был достаточно смел, чтобы ответить скептикам в неболь-

шой книге под названием «Врата моря. Где был Бог во время цунами?» Массовые трагедии могут приводить неверующих в ярость, отмечает он, но на самом деле, они не учат нас ничему новому о мире, в котором мы живем. Масштаб бедствий не меняет сути

Мы терпим
страдания
в одиночку.

Они словно
изолируют нас,
и для тех, кого
это коснулось,
масштабы не
имеют особого
значения.

Подобным же образом, человеку с головной болью или хроническим синдромом усталости не легче от того, что кто-то находится в гораздо худшей ситуации, например, из-за СПИДа или вируса Эбола. Любое страдание — это страдание. Как сказал Клайв Льюис, «такой вещи, как сумма страданий, в мире не существует». Это изобретенная философами абстракция. Есть просто отдельные люди, которым больно, и как знать, почему Бог это допускает?

Посещая места трагедий, я каждый раз поражаюсь тому, что масс-медиа делают с нашим вос-

основополагающих проблем. Нашу планету губят страдания, зло и смерть, а катастрофы лишь представляют эти хорошо нам известные напасти в концентрированной форме.

Попутно я убедился, что все попытки количественно оценивать страдания являются тщетными. Из-за того, что цунами 2004 года убило гораздо больше людей, чем в 2011 году, или что в Политехническом университете Виргинии погибло больше учащихся, чем в начальной школе «Сэнди-Хук», одно из событий не становится трагичнее другого.

приятием событий. Я отправился в Политехнический университет Виргинии, зная о группе из тридцати трех погибших. Телекомментаторы постоянно повторяли, что «это был самый масштабный массовый расстрел в истории США». Однако, бродя среди мемориалов, посвященных погибшим, я встретился с Райаном, Эмили, Хуаном, Валидом и Джулией — с тридцатью тремя личностями, а не просто с абстрактной группой. Личные вещи напоминали об их неповторимых жизнях: бейсбольный мяч, плюшевый мишка, томик романа «Великий Гэтсби», чашка «Starbucks». То же самое я чувствовал и в Ньютауне, штат Коннектикут, встречаясь с семьями погибших и слушая о домашних любимцах детей и об их ссорах с братьями и сестрами.

В Японии слезы женщины с лицом фарфоровой куклы стали для меня откровением, куда более красноречивым, чем любая статистика, прочитанная мной о том цунами. Мы терпим страдания в одиночку. Они словно изолируют нас, и для тех, кого это коснулось, масштабы не имеют особого значения. Даже колоссальные бедствия наподобие цунами сужаются до личных потрясений: ребенка, смытого с игровой площадки детского сада; уничтоженного в одночасье семейного бизнеса; ужаса, который испытывает подросток недели спустя при каждом повторном подземном толчке; всеобщего страха перед невидимой угрозой радиации.

Далее в своей книге богослов Харт обращает внимание на тайную иронию, скрытую в аргументах скептиков: «Сами по себе они никогда не додумались бы до идей, которые в значительной мере были сформированы нравственной вселенной христианской культуры». Самые резкие голоса набрасываются на

массовые трагедии так, как будто те вбивают последний гвоздь в крышку гроба веры. Как это возможно, чтобы благой Бог допускал подобные бедствия? Хотя этот вопрос неизбежен и таит в себе глубокую тайну, он применим только в контексте религиозной веры. Критикам стоило бы реагировать в соответствии со своими собственными убеждениями: «Почему вы потрясены и огорчены? А чего же еще ожидать от обезличенной вселенной хаотического безразличия?»

На самом деле, Библия предлагает даже более весомые возражения, чем те, что используют скептики. Выступая с лекциями в университетах, я иногда бросаю аудитории вызов, предлагая найти аргументы против Бога, — будь то у классических атеистов вроде Вольтера, Бертрانا Рассела и Дэвида Юма или у современных, наподобие позднего Кристофера Хитченса, Сэма Харриса и Ричарда Докинза, — не сформулированные в библейских книгах. «Вы вольны отвергнуть Бога и Его принципы мироустройства, — говорю я студентам, которым хочется именно этого. — Но лично я уважаю Бога, Который не только предоставляет нам свободу отвергнуть Его и даже распять Его Сына, но и включил слова отвержения в наши Писания».

Приведу лишь несколько примеров:

- Гедеон (обращаясь к ангелу): «Господин мой! Если Господь с нами, то отчего постигло нас все это?»
- Иов: «Вот, я кричу: ‘Обида!’ — и никто не слушает; вопию, и нет суда».
- Псалмы: «Восстань, что спишь, Господи! Пробудись, не отринь навсегда».
- Екклесиаст: «Суета сует, — все суета!»
- Исаия: «Истинно Ты — Бог сокровенный».

- Иеремия: «Для чего Ты — как человек изумленный, как сильный, не имеющий силы спасти?»
- Иисус: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?»

Писательница Энн Ламотт аплодирует протестам такого рода. «Я убеждена: говоря правду, вы близки к Богу. Сказав Ему: ‘Я изнурен и подавлен так, что не передать словами. В данный момент Ты мне вообще не нравишься, и я шарахаюсь от большинства верующих в Тебя’, — вы сделаете, быть может, самое честное признание в вашей жизни. Если вы возопите к Богу: ‘Все так безнадежно, и я понятия не имею, существуешь ли Ты на самом деле. Но прошу — помоги мне’, — то у меня на глаза едва не навернутся слезы гордости за вас и за смелость быть искренним — по-настоящему искренним. Мне сразу же захотелось бы сидеть с вами рядом за обеденным столом».

Как Библия отвечает на подобные стенания? Обычно — молчанием. Иов — горемыка, который заслуживал страданий меньше всех, но претерпел больше кого-либо, — в конце концов получил затребованную аудиенцию у Бога, Который ответил ему самой длинной из записанных в Библии речей. Довольно странно, что Бог устроил для Иова экскурсию по миру природы в стиле возвышенной поэзии, но так и не коснулся вопроса «почему?» Выражаясь словами Фредерика Бюхнера, «Бог не объясняет. Он раздражается гневом. Он спрашивает: да кем возомнил себя

Говоря правду,
вы близки
к Богу

Иов?! Бог говорит, что пытаться объяснить Иову то, чего он требует, — все равно, что растолковать улитке теорию Эйнштейна... Бог не открывает Свой великий замысел. Он открывает *Себя*». Затем с тонкой иронией Бог объявляет, что только при заступничестве Иова будет слушать его друзья, изводивших несчастного своим обвинительным богословием. Те хорошо начали, просидев с ним «на земле семь дней и семь ночей» молча. Но, как только они открыли рот, возникли проблемы.

Я часто задавался вопросом: почему Библия не дает систематического разъяснения проблемы страданий? Пророки усматривали в страданиях Израиля причинно-следственную связь, но высказывали свои предупреждения заранее и всегда обещали решение проблемы, если народ исправит свои пути. Иисус отметал вопросы о причинах — кроме, разве что, тех случаев, когда хотел опровергнуть «непробиваемые» теории фарисеев и учеников о страданиях как наказании. Большинство библейских авторов явно не сидели в недоумении, почесывая в затылке и ломая голову над вопросом: «Почему плохие вещи случаются с хорошими людьми?»* Они рассматривали этот мир как территорию врага, как испорченную планету, которой правит отец лжи, кудесник бед. Чего еще мы можем ожидать от логова сатаны? Когда князь этого мира предложил Иисусу соблазнительно быстрое решение земных проблем, тот не стал высмеивать его высокомерные претензии на власть, а предпочел просто отвергнуть его, избрав более медленный, более трудный, но, тем не менее, надежный путь.

---

* Намек на нашумевшую книгу Гарольда Кушнера «Когда с хорошими людьми случаются плохие вещи». — *Прим. ред.*

Японские буддисты, серьезно относящиеся к своей вере (а таковых меньшинство) предвкушают то время, когда души умерших утратят свою индивидуальность и сольются с единством вселенной. Светские атеисты смирились с тем, что через миллионы лет наша планета станет безжизненной, когда солнце загорится, как догоревшая спичка. В отличие от них, христиане возлагают свои надежды на то время, когда смерть — «последний враг» — будет уничтожена, и Бог отделит злых от добрых, а смерть — от жизни, и воскресит тела и души в окончательном решении всех проблем: «Се, творю все новое».

Однажды в Чикаго я посетил похороны ребенка, во время которых пастор шокировал скорбящих родных. Взглянув на гроб, он прервал свою траурную речь внезапным возгласом: «Будь ты проклята, смерть!» Впрочем, спохватившись, он быстро добавил: «Я проклинаю не Бога, а смерть. Бог тоже пообещал проклясть ее».

Наша единственная надежда

Богословы говорят, что мы живем на падшей планете. Каждому, кто сомневается в этом, надо побывать в Японии. Я читал отчеты сейсмологов, прогнозировавших сильное землетрясение, но с эпицентром не в семидесяти километрах от побережья Тохоку, а чуть южнее Токио, что привело бы к куда более серьезным разрушениям. И оно случилось. Землетрясение ударило с такой силой, что сместило земную ось, сократив день на несколько микросекунд, вызвав сбой станций GPS-слежения по всему миру и высвободив энергию, в 600 миллионов

раз превышающую мощность атомных бомб, сброшенных на Японию в 1945 году.

Тем не менее, именно тектонические силы, оказавшиеся столь разрушительными в 2011 году, когда то сформировали Японские острова. Ураганы и циклоны, причиняющие такой большой ущерб, играют ключевую роль для климатических систем, распределяющих по планете влагу. С какой точки зрения ни взглянуть — природной или богословской, — этот мир находится «в процессе». Он неполноценен, не завершен и несовершенен.

Оптимизм обещает,
что ситуация
изменится к лучшему,
но христианская
надежда обещает,
что творение будет
преображено

Начиная с Адама, нам, людям, были поручены управленческие задачи: растить сады посреди терновника и чертополоха, ухаживать за животными, создавать цивилизации. Будучи своего рода «подчиненными творцами», созданными по образу Бога, мы ответственны за то, чтобы извлекать из хаоса порядок. И,

надо признать, мы достигли гигантских успехов. Еще двести лет назад половина детей умирали, не достигнув пятилетнего возраста, а средняя продолжительность жизни составляла тридцать пять лет. Мы укротили реки, превратили небо в скоростную трассу, изобрели способы находиться в тепле зимой и в прохладе — летом, и опутали весь мир электронной паутиной.

Впрочем, эти достижения имели свою цену: сокращение ресурсов и рост населения; загрязнение

окружающей среды и его влияние на климат; несправедливость, позволяющая кому-то жить в комфорте за счет других. История марширует вперед, и все это время Бог, согласно обвинениям критиков, «сидел сложа руки». Он не вмешался, когда европейские правители делили между собой континенты, и Новый Свет завозил миллионы рабов, или когда нацисты пытались истребить с лица земли «избранный народ» в самой известной из многочисленных попыток геноцида. По какой-то причине Бог решил позволить истории идти своим чередом.

Почему? У нас нет более определенного ответа, чем тот, который получил Иов. Наша единственная непоколебимая надежда — и она радикально отличается от наивного оптимизма! — состоит в том, что история Иисуса, включающая в себя как смерть, так и воскресение, является ярким прообразом того, что Бог совершит для всей планеты. Оптимизм обещает, что ситуация постепенно изменится к лучшему, но христианская надежда обещает, что творение будет преобразено. А до тех пор Бог явно предпочитает не вмешиваться в каждое проявление зла или стихийное бедствие — каким бы ужасным оно ни было. Вместо этого Он поручил нам быть агентами вмешательства посреди враждебного и оскверненного мира.

«Лучше для вас, чтобы Я пошел», — сказал Иисус озадаченным ученикам во время последнего акта делегирования полномочий, даруя нам образец для подражания. «Уже немного Мне говорить с вами; ибо идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего. Но чтобы мир знал, что Я люблю Отца и, как заповедал Мне Отец, так и творю». После этих слов Иисус вышел навстречу долгой ночи страданий, против которой Он горячо молился и все же отка-

зался воспользоваться Своей властью, чтобы предотвратить ее.

«Все мироздание стонет и мучится до сих пор, как при родах», — сказал Павел римлянам, не питая иллюзий в отношении состояния нашей планеты. Единственная надежда для нас — это радикальное вмешательство, в результате которого творение «станет свободным от рабства у гибели» в ходе некоего все-ленского перерождения. До тех же пор никакой ответ на вопрос о страданиях, даже обладай мы способностью постичь его, не прозвучит удовлетворительно. Подобно Иову, мы можем охватить лишь маленький фрагмент рисунка, цепляясь за веру вопреки всем контраргументам и уповая на Бога в отношении картины целиком. Я пришел к следующему заключению: вера — это изначальная убежденность в том, что обретает смысл, лишь когда оглядываешься назад.

Смещение акцента

Возможно, существует какая-то скрытая выгода в том, что Библия избегает отвечать на вопрос «почему?» Знание ответа смещает внимание со страдающего на обстоятельства, причинившие страдания, что приносит мало пользы тому, кто пребывает в нужде. Например, ученики Иисуса задали вопрос о слепорожденном: «Кто согрешил: он или родители его?» Выбор любого из вариантов едва ли вызвал бы сострадание к незрячему. Ученики, наверное, поцокали бы языками, смакуя свое нравственное превосходство, и ушли с уверенностью, что бедняга получил по заслугам. Но вместо этого Иисус опроверг подобные теории о страданиях как наказании (точно так же,

как их отклонил Бог, бросив грозный взгляд на благочестивых друзей Иова) и сосредоточил внимание на самой слепоте.

После крупного бедствия мы словно инстинктивно заикливаемся на причинах. Действительно ли причиной взрыва космического корабля «Челленджер» стал дефект уплотнительного кольца? Могло ли ФБР предотвратить террористические атаки 11 сентября 2001 года или взрыв на Бостонском марафоне? Смогли бы помочь Тохоку более высокие волнорезы? Какое умственное состояние побудило Адама Лэнза напасть на школу «Сэнди-Хук»? Хотя такой подход весьма ценен с точки зрения предотвращения будущих трагедий, в нем мало пользы для самих жертв. Мне вспоминаются японцы, которым пришлось эвакуироваться из своих домов в Фукусиме вблизи от атомной электростанции. Теперь они обитают во временных жилищах в положении изгоев и в страхе перед неизбежными проблемами со здоровьем. Да, ученым и инженерам необходимо исследовать, какие именно конструктивные изъяны привели к аварии реактора, но, пока они этим занимаются, как насчет тех, кто страдает?

Практически каждый фрагмент в Новом Завете, говорящий о страданиях, переносит акцент с *причин* на *реакцию*. Хотя мы не в силах постичь общий замысел нашей вселенной, допускающий столько зла и боли (вопрос «почему?»), наша реакция, тем не менее, может отражать два важных аспекта. Во-первых, мы можем найти смысл и значимость жизни *посреди* страданий. Во-вторых, мы можем предложить нуждающимся реальную практическую помощь.

В своей книге «Боль» Клайв Льюис отметил: «Бог шепчет нам посреди наших удовольствий, вслух

говорит с нашей совестью, но Он кричит в нашей боли — это Его мегафон, чтобы слышал оглохший мир». Я не решаюсь возражать Льюису, но все же этот образ вызывает у меня чувство неловкости. Он наводит на мысли о футбольном тренере, который, стоя у края поля, орет в рупор на игроков, и некоторые читатели могут сделать из такой метафоры вывод, что Бог раздает страдания для привлечения нашего внимания. Не думаю, что Льюис вкладывал в свои слова именно такой смысл, и потому я изменил бы образ с мегафона на слуховой аппарат. Когда приходят страдания, они дают нам, потерпевшим, возможность увеличить громкость и прислушаться к крайне важным посланиям, которые в противном случае мы просто проигнорировали бы.

Конечно же, я испытал такое усилительное действие боли на себе. Перелом шеи, полученный при автокатастрофе в 2007 году, вынудил меня пересмотреть мой брак, мою веру и мои планы на оставшиеся годы жизни. Лежа привязанным ремнями к спинальной доске в ожидании известия о том, повреждена ли главная артерия (как сказал врач, в этом случае мне оставалось бы жить не более нескольких минут), я мог думать только о трех вопросах, заслуживающих размышления: «Кого я люблю? Что я сделал со своей жизнью? Готов ли я к тому, что последует дальше?» Разумеется, мне никто не мешал взвесить свою жизнь, задумываясь над этими вопросами и раньше, но для того, чтобы сосредоточиться на самом главном, мне потребовался травматический инцидент.

Немецкий поэт Райнер Мария Рильке сказал: «Будь у нас возможность видеть дальше, чем пределы нашего знания ... тогда, быть может, мы доверяли бы больше нашим печалям, чем радостям. Ведь это ми-

нуты, когда в нас проникает что-то новое, что-то незнакомое ... все в нас стихает, рождается тишина, и новое ... стоит среди этой тишины и молчит».

Среди молодежи Японии после цунами произошла перемена сродни той, о которой говорит Рильке. На протяжении многих лет родители в отчаянии заламывали руки из-за влияния экономической стагнации на изнеженную японскую молодежь «потерянных десятилетий». Для описания этого неприкаянного поколения японские социологи составили целый каталог терминов: *фритеры*, осознанно избирающие несложные, бесперспективные в карьерном плане виды деятельности; *хикикомори*, изолирующие себя от общества (некоторые из них никогда не отваживаются даже выйти из своей спальни); *паразиты*, которые сидят на шее у родителей, довольствуясь их жильем и едой, чтобы позволить себе новейшие электронные гаджеты и одеваться по последнему пisku моды. Ко всеобщему удивлению, после землетрясения и цунами эти инертные молодые люди словно пробудились от спячки. Они записывались волонтерами для работы в убежищах и пунктах раздачи пищи, жертвовали деньги в помощь пострадавшим и применяли свои навыки пользования социальными сетями для воссоединения эвакуированных людей с их родственниками и стимулирования правительства к большей открытости в освещении проблем, связанных с аварией на атомной станции. Кроме того, они стали примером для окружающих, задавая тон в правительственной кампании по экономии электроэнергии для компенсации потери ядерных реакторов.

Виктор Франкл, переживший заточение в четырех разных нацистских концлагерях, впоследствии основал собственную школу психотерапии. Он при-

шел к заключению, что наиболее мощной побуждающей силой для нас является поиск смысла жизни. Согласно Франклу, один из основных способов обретения такого смысла — это наша реакция на неизбежное страдание. «Отчаяние есть страдание, лишенное смысла, — пишет он. — У человека можно отнять все, кроме одного — его последней свободы: в любых обстоятельствах выбирать свое отношение к происходящему».

Жители Японии дают нам образец реакции на стихийное бедствие. Новостные медиа воспевали смирение и выдержку, воистину *долготерпение* японского народа, — и вполне заслуженно. В противоположность мародерству, которое во многих случаях начинается после катастрофы, японцы добровольно вернули наличные деньги и ценные вещи на сумму, эквивалентную почти 100 миллионам дол-

Истинная сила
любого общества
видна по тому, как
оно относится к
своим наиболее
уязвимым членам

ларов. В течение нескольких недель после цунами тысячи эвакуированных спали в спортзалах и битком набитых вестибюлях, проводя по несколько часов в очереди, чтобы получить бутылку воды и миску риса. Когда год спустя я посетил зону землетрясения, четверть миллиона японцев по-прежнему обитали во временных жилищах — вагончиках размерами четыре на двенадцать метров наподобие тех, которые повсеместно встречаются на стройплощадках. Их реакция разительно отличалась от ропота и беззакония,

последовавших за ураганом «Катрина» в Новом Орлеане.

Как это ни печально, у Японии есть большой опыт по устранению последствий катастроф: в 1923 году землетрясение в Канто унесло жизни 140 тысяч человек; в результате землетрясения 1995 года в Кобе погибли 6400 человек, а материальный ущерб составил 100 миллиардов долларов. Но что примечательнее всего, этот народ поднялся из пепла после Второй мировой войны, оставившей им три миллиона погибших и многие города в руинах, не говоря уже о постоянном проклятии радиоактивных осадков.

«Ищи помощников»

Истинная сила любого общества видна по тому, как оно относится к своим наиболее уязвимым членам, и мы на Западе можем извлечь из примера Японии немало уроков. Как осознано неприкаянное поколение японцев, даже сам процесс отклика на нужду способен наполнить жизнь новым смыслом.

Антрополог Маргарет Мид во время лекций часто задавала аудитории вопрос: «Что, на ваш взгляд, является самым ранним признаком цивилизации?» Она выслушивала ответы наподобие «глиняная посуда», «железные орудия труда» и «первое окультуренное растение», а затем объявляла: «Вот мой ответ», — и поднимала над головой человеческую бедренную кость — самую большую в ноге — и указывала на утолщение в месте сросшегося перелома.

Как отмечала Мид: «Подобные признаки лечения никогда не обнаруживают среди останков самых ранних и диких сообществ. В их скелетах мы находим

признаки насилия: пробитое стрелой ребро; проломленный дубинкой череп, — но эта зажившая кость показывает, что кто-то заботился о травмированном человеке: охотился вместо него, приносил ему еду, служил ему, жертвуя чем-то в ущерб себе». В противоположность природному правилу «выживания сильнейшего», мы, люди, оцениваем цивилизованность на основании нашего отношения к самым уязвимым и страдающим.

Ведущий детских телепередач Фред Роджерс рассказывал, что, когда в детстве он слышал о какой-нибудь катастрофе или стихийном бедствии, его мама говорила ему: «Ищи помощников, Фред. Каждый раз, когда случается что-нибудь ужасное, всегда есть те, кто спешат на помощь». Мы в США увидели яркий пример этого, когда десять пожарных из Техаса бросились к пылающему заводу по производству удобрений и все погибли от последовавшего взрыва. На Бостонском марафоне после взрыва первой бомбы зрители бросились врассыпную, а медицинский персонал поспешил к раненым, став жертвами второго взрыва. Некоторые из бегунов, только что преодолевших сорокакилометровую дистанцию, продолжали бежать к ближайшим больницам, чтобы сдать кровь. В тот вечер тысячи бостонцев открыли двери своих домов для ошеломленных гостей марафона, нуждавшихся в ужине и ночлеге.

Ньютаун в штате Коннектикут продемонстрировал потрясающую общественную реакцию на бедствии, совершенно отличающееся от постигшего Японию. Оно было гораздо менее масштабным и причинено непосредственно самими людьми.

Один психолог на пенсии, который жил напротив начальной школы «Сэнди-Хук», выглянув утром

14 декабря в окно, увидел необычную картину: четыре девочки и два мальчика посреди учебного дня сидели на лужайке перед его домом. Когда он подошел к ним, один из мальчиков воскликнул: «Мы не можем вернуться в школу! Нашу учительницу, миссис Сото, убили. Теперь у нас нет учительницы». Пригласив детей в дом, пенсионер принес им игрушки и угостил соком, в ходе разговора пытаюсь выяснить, что же случилось. Затем он позвонил властям. «То, что я по специальности психолог, не имело тут никакого значения, — объяснял он позже хвалившему его репортеру новостей. — Я отреагировал просто как дедушка».

В течение нескольких дней после стрельбы сотни волонтеров устремились к пустующему

школьному зданию в близлежащем городке, чтобы подготовить его для учеников «Сэнди-Хук». Они привезли из старой школы мебель и парты, и оформили новую школу так, чтобы она была максимально похожей на оставленную. Сплоченная община Ньютауна была полна решимости сменить свой образ, превратившись из города скорби в город, победивший скорбь.

Беседуя с некоторыми семьями, которые в «Сэнди-Хук» потеряли детей, я слышал о потоке заботы и сострадания со стороны всей нации. Один мой друг, переехавший за полгода до стрельбы в школе,

Будь то неуклюже
или рационально —
здоровые
сообщества
обязательно
откликаются на
беду, постигшую
жертв трагедии

из Денвера в Ньютаун, чтобы быть поближе к семье своего сына, лишился внучки, с которой надеялся делить жизнь многие годы. «Реакция общины была просто невероятной, — сказал он. — Государственная патрульная служба приставила к каждой пострадавшей семье полицейского, который несколько недель после трагедии обеспечивал их безопасность и защиту от репортеров. Этот парень стал частью нашей семьи. Наши холодильники забиты пожертвованными продуктами; у нас больше рождественских подарков, чем можно сосчитать, а консультанты согласны бесплатно предоставлять нам свои услуги столько, сколько потребуется. В данный момент мы с женой заняты тем, что отвечаем на три тысячи поступивших на наш адрес открыток и писем с выражением соболезнований об утрате».

Не все проявления чистосердечной помощи достигали своей цели. Один из консультантов в Ньютауне рассказывал мне: «Многое из того, что присылают со всех концов страны, идет на пользу, скорее, жертвователям, чем получателям. У нас полные грузовики плюшевых мишек и других мягких игрушек. В общей сложности мы их получили более шестидесяти тысяч! Ну зачем школе шестьдесят тысяч мягких игрушек?! Большинство из них мы развозим по приютам для бездомных детей. Сюда съезжаются со своими выдумками, бесплатными пирогами, домашними животными и палатками для консультирования люди из всех штатов. Они привозят тонны продуктов. На северо-востоке много итальянцев, и одна семья с забитым до отказа холодильником уже умоляет: 'Пожалуйста, — только не надо больше макарон!'»

В то же время, некоторые из «внешних» находят неординарные способы выразить свою солидар-

ность. Один известный гончар из Калифорнии начал работу над памятными вазами, посвященными каждому из убитых детей. Рукодельница из Мэриленда вызвалась изготовить двадцать лоскутных покрывал, в дизайн которых вплетены детские фотографии и памятки о жизни погибших. Группа художников собралась вместе, чтобы создать портреты всех жертв. Подобные жесты сочувствия стали для Ньютауна непреходящим свидетельством общенациональной заботы об их утрате.

Авторами одного из наиболее трогательных жестов стали другие дети. По предложению кого-то из родителей в «Сэнди-Хук» президент Ассоциации «Родители, педагоги, ученики» в Коннектикуте разослал по электронной почте письма школам штата с просьбой изготовить бумажные снежинки в стиле оригами для украшения новой школы, в которую должны были перебраться ученики «Сэнди-Хук». Эта идея распространилась, словно вирус. Через два дня в офис Ассоциации поступили первые коробки со снежинками, и вскоре коричневые грузовики UPS и полуприцепы государственной почтовой службы начали ежедневно доставлять тысячи коробок со всех штатов и из пятидесяти стран. «Я не представлял, чем все это обернется, — сказал директор Ассоциации на камеру телеканала CBS, обходя стопки коробок, заполонивших каждый свободный уголок офиса и близлежащего склада. — Это в буквальном смысле снежная лавина!» Даже после того, как украсили все школы в округе, у них остались миллионы поделок.

Многие снежинки поступали с написанными от руки записками детей. К некоторым из них прилагались завернутые в целлофан сбережения из копилки или футбольные и бейсбольные коллекционные кар-

точки. «Мне хочется плакать, — сказал один из первоклассников «Сэнди-Хук». — Это такие же дети, как мы». Будь то неуклюже или рационально — здоровые сообщества обязательно откликаются на беду, постигшую жертв трагедии. За этим скрывается очень простое послание: «вы не одиноки в своей беде».

В идеале, этот принцип должен работать всегда, а не только во время больших трагедий. Один университет, исследуя вопрос боли, заручился помощью добровольцев, чтобы выяснить, насколько долго они смогут продержаться ноги в ведре с ледяной водой. Ученые заметили, что в тех случаях, когда в комнату допускался компаньон, испытуемый мог выдержать вдвое дольше, чем страдавшие в одиночку. Исследователи пришли к заключению: «Присутствие другого человека, проявляющего заботу, увеличивает переносимый болевой порог в два раза». Зачастую наша культура, отвергающая боль и смерть, делает прямо противоположное: мы помещаем страдающих людей в больницы и дома престарелых, изолируя их от нормальных человеческих контактов. Двое из трех пациентов умирают в подобных заведениях, и часто — в полном одиночестве.

Все исследования подтверждают, что человек, имеющий тесные связи с заботливой общиной, идет на поправку быстрее и эффективнее. Известных «врагов исцеления» наподобие стресса, чувства вины, гнева, тревоги и одиночества, лучше всего побеждать с помощью сострадательного окружения. Если вам не надо беспокоиться о счетах за медицинское обслуживание и о том, кто присмотрит за вашими детьми или даже домашними питомцами, пока вы будете восстанавливаться после операции, то вы пойдете на поправку быстрее. Одно из исследований, проведенных

среди пациенток с метастатическим раком молочной железы, показало, что женщины, еженедельно на протяжении года посещавшие группу взаимной поддержки, чувствовали себя лучше и прожили почти на два года дольше тех, которые такую группу не посещали, хотя и те, и другие проходили одинаковый курс химиотерапии и радиационного облучения.

Кто-то спросил одного лютеранского епископа: «Какой самый лучший совет может дать пастор или другой консультант женщине, когда она в расцвете лет сталкивается с сокрушительными проблемами со здоровьем?» Он ответил: «Ей стоило бы принимать активное участие в жизни какой-нибудь дружной общины на протяжении предыдущих двадцати лет».

Не навреди

Апостол Павел сказал о здоровой общине: «Страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены». Христианское сообщество, известное во всем мире символом креста и регулярным участием в таинстве, творимым «в Мое воспоминание», должно быть способно вносить уникальный вклад в поддержку страждущих. Но, увы, я снова и снова слышу, что слишком часто «церковь делает все только хуже».

Когда в солнечный день 2004 года индонезийское цунами уничтожило четверть миллиона человек, геологи объяснили его огромным подводным разломом океанского дна, спровоцировавшим гигантскую волну. Однако некоторые телеевангелисты приписали его Божьему гневу по отношению к «языческим» народам того региона, преследующим христиан. В по-

добном же духе высказался и один из христианских лидеров, усмотревший причину японского цунами 2011 года в том, что «Япония находится под контро-

Теории,
приписывающие
бедствия Божьему
суду, в конечном
итоге выглядят,
как карма, а не
провидение

лем богини солнца». Когда террористы убили 3000 человек, направив самолеты на Всемирный торговый центр, видный фундаменталист из Виргинии заявил, что в этом виновны «язычники и сторонники легализации аборт; феминистки, гомосексуалисты и лесбиянки, активно навязывающие свой стиль жизни; 'Американский союз за-

щиты гражданских свобод»; движение 'Люди за американский путь'... Я заявляю им прямо в лицо: 'Именно вы посодействовали всему этому'».

Когда двадцать детей и шесть работников школы погибли от рук вооруженного парня в Ньютауне, известный радиоведущий приписал это Богу, Который «допустил, чтобы на нас пал суд» за то, что мы смирились с абортами и однополыми браками. Еще один пастор и политик, часто выступающий на радио, сказал, что Бог «решил не останавливать бойню этих невинных детей», потому что «мы изгнали Его из школ».

Подобные радикальные заявления самозванных ораторов получают широкую огласку в прессе. После любого стихийного бедствия вы можете зайти в Интернет и прочитать самые разнообразные богословские обоснования, каждое из которых пытается —

подобно друзьям Иова? — объяснить случившееся как некое проявление Божьего плана. («Вспомни же, — увещевал Иова Елифаз, — погибал ли кто невинный, и где праведные бывали искореняемы?» Но в тот момент он еще не знал, что участвует в драме опровержения.) Теории, приписывающие бедствия Божьему суду, в конечном итоге выглядят, как карма, а не провидение. Почему мы по-прежнему думаем, что добро и зло, страдания и радости распределяются в соответствии с нашими заслугами, хотя Книга Иова учит прямо противоположному?

Убежденные кальвинисты напряженно пытаются объяснить катастрофы, — а заодно и все остальное, — как проявление суверенной Божьей воли. Я отношусь к их аргументам с определенной долей симпатии, но все же задаюсь вопросом: «Почему Иисус никогда не использовал подобные доводы при встречах со страдающими людьми?» Я ни разу не видел, чтобы Он читал другим лекции о необходимости принять слепоту или хромоту как некое проявление тайной Божьей воли. Вместо этого, Иисус исцелял их. Он учил нас молиться: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе», — и побуждал усердно трудиться для достижения этой цели. Поскольку мы живем предвкушением небес, где не будет войн, вооруженного насилия, террористических атак и стихийных бедствий — воистину, ни слез, ни смерти! — я предпочитаю говорить о том, чего Бог *желает* для людей на земле, оставив тонкости Божьей воли на рассмотрение богословам. Последствия катастрофы — пожалуй, самый худший момент, чтобы цитировать: «Бог воцарился над народами».

С какими добрыми побуждениями ни произносились бы слова, они могут еще больше усугубить и

без того прискорбную ситуацию. «Наверное, на то есть какая-то причина», — говорим мы человеку, который потерял работу и лишился своего дома из-за невозможности выплачивать кредит. Да, но какая причина может иметь смысл в подобный момент? Утверждение «Бог не возлагает на нас больше, чем мы можем перенести» кажется пустым и выхолощенным для тех, кто «на грани». Фильм «Война» с Кевином Костнером содержит эпизод, иллюстрирующий еще одно духовное клише. После того, как ветеран Вьетнамской войны погибает, пытаясь спасти жизнь друга во время несчастного случая в шахте, его жена хочет как-то утешить их сына. «Он нужен Богу на небесах», — говорит она. В ответ на это сын кричит в небо: «Да, но *мне* он нужен больше, чем Тебе!» Лично я предпочитаю (и считаю более корректной с богословской точки зрения) реакцию пастора на похороны в Чикаго: «Будь ты проклята, смерть!» Если состояние этой планеты огорчает *нас*, то могу лишь догадываться, какие чувства испытывает Бог.

Даже духовные истины наподобие «любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу», высказанные в неподходящее время могут ударить, как молот. Те, кто рассуждают о страданиях, зачастую лишь бередят раны обычных людей, которые скорбят о своих утратах и не знают, как им жить дальше. Одна женщина недавно написала мне гневное письмо о том, как у нее «украли» похороны ее мамы: «Там были миссионеры, которые подошли ко мне сразу же после службы, чтобы с улыбкой сообщить: 'Если даже один человек во время этой церемонии принял Христа, то смерть вашей матери того стоила'».

После взрыва на тexasском заводе по производству удобрений телеканал CNN взял интервью у жен-

щины, выжившей после обрушения дома престарелых, в котором она жила. «Я благодарю моего ангела-хранителя», — сказала она, и ее чувства вполне объяснимы, но я невольно подумал: «Как эти слова прозвучали для тех семей, чьи родные не выжили?» Позже я натолкнулся на историю Джо Берти, который пересек финишную черту Бостонского марафона за считанные секунды до взрыва первой бомбы. После нескольких часов лихорадочных попыток разыскать среди общей сумятицы свою семью, он улетел домой в Техас, где через два дня во время служебной командировки стал свидетелем взрыва на заводе по производству удобрений. Машину Берти качнуло ударной волной и осыпало градом обломков. Некоторые называют его самым неудачливым из живущих на земле, другие же, наоборот, — самым удачливым. Жена Берти была достаточно мудра для сбалансированной реакции. «Мы благодарны Богу за то, что Он помиловал нас, — сказала она. — Мы лишь молимся о тех, кому повезло гораздо меньше, чем нам».

Проведя время в Японии и в Ньютауне, я взял на вооружение тест, состоящий из двух пунктов. Теперь я всегда вспоминаю о нем прежде, чем дать совет страдающему человеку. Во-первых, я спрашиваю себя: «Как эти слова прозвучали бы для матери, которая утром поцеловала свою дочь перед тем, как та села в школьный автобус, а позже в этот же день ее вызвали для опознания окровавленного тела?» Принесли бы мои слова утешение или сделали еще больше? Затем я задаю себе вопрос: «Что бы этой матери сказал Иисус?» Лишь немногие богословские объяснения выдерживают этот тест. Единственный известный мне способ даровать утешение и исцеле-

ние, как это делал Иисус, заключается в том, чтобы полностью проникнуться скорбью матери и заверить ее в том, что Бог скорбит даже больше, чем она. Дэвид Бенгли Харт (кстати, одаренный богослов) выразил это так: «Глядя на смерть ребенка, я вижу лицо не Бога, а Его врага... Вместо того, чтобы показать нам, каким образом слезы маленькой девочки, страдавшей в темноте, могли послужить построению Его Царства, Бог воскресит ее и отрет с ее глаз всякую слезу».

Люди и так
знают, почему
мы здесь

В общем, я избегаю отвечать на вопрос «почему?», поскольку любые попытки сделать это неизбежно потерпят провал и могут даже стать солью для

открытой раны. Как последователи Иисуса, мы можем вместо этого предложить любящее, сочувственное участие, способное помочь перевязать раны и исцелить разбитое сердце. К счастью, я видел, как церковь поступает именно так. Я приехал в Ньютаун по приглашению церкви, которая направила четверых консультантов на пожарную станцию, где встревоженные родители ожидали новостей об участии своих детей, а также собрала большую сумму денег для обеспечения бессрочного консультирования семей. За время, прошедшее с момента трагедии, шесть матерей погибших детей начали регулярно участвовать в собраниях этой церкви — одной из многих, протянувших им руку помощи.

В Японии среди ликвидаторов последствий катастрофы я встречал команды из Филиппин, Германии, Сингапура и США. Сразу же после землетрясения мобилизовались такие организации, как

«Habitat for Humanity» и «Сумка Самарянина», которые даже спустя год продолжали отправлять бригады для оказания помощи в восстановительных работах. Хотя церковь в Японии составляет лишь один процент населения, христианские организации взяли на себя ведущую роль в ремонтных проектах, а некоторые японские церкви стали центрами по распределению продуктов питания и вещей. Одна из них в первые несколько месяцев после цунами предоставляла приют более чем тысяче эвакуированных.

Я встретил нескольких пенсионеров — в прошлом строительных подрядчиков и рабочих-строителей, — которые обратились в «Сумку Самарянина» с предложением помощи в восстановлении смытых цунами домов. Они жили в тесных коммунальных помещениях и работали по многу часов без оплаты. «Мы никого не пытаемся обратить в свою веру, — сказал мне один из них. — Нам это и не нужно. Люди и так знают, почему мы здесь. Мы — последователи Иисуса, которые стараются жить по Его заповедям. Перед тем, как вручить владельцам ключи от их нового дома, мы спрашиваем, можно ли нам произнести молитву благословения для их нового жилища. До сих пор еще никто не отказался».

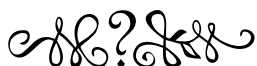
В противовес перечню из семи смертных грехов средневековая церковь составила список семи дел милосердия: кормить голодных; поить жаждущих; одевать нагих; давать приют бездомным; навещать больных; выкупать пленных; погребать мертвых. Маленькая армия работников благотворительных организаций и волонтеров ежедневно практиковала эти дела милосердия в Тохоку. Впрочем, не все мы можем служить на передовой милосердия. Как я напомнил сотрудникам моего издателя в Токио в день, когда

улетал из Японии, церковь позже составила еще один список *духовных* дел милосердия: вразумлять невежд; наставлять сомневающихся; увещевать грешников; терпеливо переносить обиды; охотно прощать оскорбления; утешать страдальцев; молиться о живых и умерших. Церковь в Японии — это крошечное меньшинство в сокрушенном народе — старается практиковать и эти, менее заметные дела.

Джон Маркс, продюсер телепередачи «60 минут», отправился в двухгодичное странствие, чтобы изучить жизнь евангельских христиан — людей, среди которых он вырос и которых позже отверг. Он описал свое путешествие в книге под названием «Причины верить. Одинокое странствие человека среди евангелистов и вера, которую он оставил позади». Переломным моментом и ключевой причиной вновь обратиться к вере для Маркса стала реакция церкви на последствия урагана «Катрина». Одна баптистская церковь в Батон-Руж кормила 16 тысяч человек в день на протяжении нескольких недель; другая дала приют 700 бездомным переселенцам. Даже через несколько лет после урагана, когда федеральная поддержка давно иссякла, сеть церквей из соседних штатов продолжала регулярно отправлять бригады для оказания помощи в восстановлении домов. Больше всего на Маркса произвел впечатление тот факт, что эти церковные проекты переступали все расовые границы и барьеры в самом сердце Юга. Как ему сказал один из рабочих: «У нас тут есть белые, черные, латиноамериканцы, вьетнамцы, старые добрые каджуны... Мы просто пытаемся сказать: 'Эй, давайте поможем людям!' Это же наш штат. Пусть другие думают о различиях. Для нас все равны».

Маркс пришел к заключению: «Готов поспорить: это был переломный момент в истории американского христианства... Ничто не стало более красноречивым свидетельством как для верующих, так и для небезразличных неверующих, чем успех небольшого контингента волонтеров-христиан в сравнении с гигантскими, но почти полностью провальными усилиями светского правительства. Этот ураган открыл несомненную истину. Все больше христиан приходит к выводу, что единственный способ отвоевать Америку — это служение. Вера уже не передается словами. Она распространяется делами».

ЧАСТЬ 3

КОГДА БОГ ПРОСПАЛ

В октябре 2012 года я совершил творческую поездку на Балканы — проблемный регион, скатившийся в гражданскую войну при распаде Югославии. «Хотите по пути заглянуть в Сараево? — спросил однажды утром мой хорватский издатель. — Этому городу действительно был бы полезен разговор на тему ‘Где Бог, когда я страдаю?’» Название «Сараево» было знакомо мне по военным сводкам 1990-х годов, и, движимый любопытством, я сразу же согласился.

Когда мы ехали по шоссе из Хорватии в Боснию, движение внезапно остановилось. Водители, открывали дверцы машин и выходили наружу, чтобы покурить. Все выдвигали предположения о возможных причинах затора. Авария? Дорожные работы? Как оказалось — нет. Военные прочесывали прилегающие к дороге поля в поисках мин, оставшихся после войны, которая завершилась почти два десятилетия назад. «Добро пожаловать в бывшую Югославию!» — с иронией бросил пригласивший меня издатель. Стороны конфликта во время войны установили более пяти миллионов мин, которые и по сей день продолжают калечить и убивать ничего не подозревающих фермеров, туристов и заигравшихся детей.

Когда мы, наконец, достигли боснийской границы, мир за окнами машины резко изменился. Ско-

ростное шоссе на четыре полосы сузилось до извилистой, покрытой выбоинами двухрядной дороги. На рекламных щитах и уличных вывесках начали встречаться надписи не только на западноевропейской латинице, но и на восточной кириллице. Больше всего меня удивил тот факт, что половина домов стояли пустыми, с выбитыми окнами и выжженными внутренностями. «Да, это — напоминание об этнической чистке, устроенной сербами, — объяснил мой издатель. — Они вынудили все несербские меньшинства покинуть этот регион».

«А кому теперь принадлежат эти дома? — спросил я. — И почему они пустуют?»

«Скорее всего, права на них все еще принадлежат прежним владельцам, которые убежали во время войны и теперь живут неизвестно где. Подумайте сами: хотели бы вы вернуться и предъявить права на свой дом в том городе, где ваши соседи изнасиловали вашу дочь и перерезали горло вашей жене?»

Войны на Балканах доминировали в газетных заголовках начала 1990-х. Европейские лидеры заламывали в отчаянии руки, видя в вечерних новостях картины зверств, словно воскресившие в реальном времени события Второй мировой войны. В ходе нескольких восстаний и гражданских войн более сотни тысяч человек погибли, миллионы стали беженцами, и десятки тысяч женщин подверглись изнасилованию в так называемых «лагерях насилия» — до сих пор эти преступления рассматриваются Международным уголовным судом. В Сребренице сербы собрали всех мужчин старше пятнадцати лет (около восьми тысяч) и, связав им руки за спиной, расстреляли. Рабочие по сей день раскапывают массовые захоронения в попытке идентифицировать тела.

Показания очевидцев с заседаний Гаагского суда звучат, как нескончаемый речитатив ужасов: беременным женщинам вспарывали животы, а их недоношенных детей разбивали прикладами ружей; банды насиловали девятилетних девочек; малышей обезглавливали, а головы клали на колени их матерям... «Случившемуся можно дать только одно объяснение, — сказал мне один босниец. — Бог проспал».

Кто может осмыслить все, что произошло в бывшей Югославии? Во время этой войны я никак не мог понять, кто кому враги, и уж тем более произнести это вслух, а имена злодеев менялись чуть ли не еженедельно. Если говорить в двух словах, то некогда коммунистическая Югославия силой объединила три несовместимые группы. Хорватские католики отождествляли себя с Западной Европой, православные Сербь были союзниками России на востоке, а боснийские мусульмане искали поддержки на юге у других исламских народов. После крушения коммунизма страна начала распадаться, когда меньшинства взбунтовались против могущественных сербов и их амбициозной идеи «великой Сербии».*

---

* Среди первых, кто оказал сопротивление, были хорваты. У них не было собственной армии — всего лишь несколько танков, оставшихся со времен Второй мировой войны, и горстки самолетов сельхоз авиации, использовавшихся для обработки посевов. Импровизируя, хорваты научились сбрасывать с этих самолетов на сербские боевые позиции баллоны с пропаном и бойлеры. Чтобы обойти международное эмбарго на поставки оружия, они выпустили из тюрем влиятельный криминалитет, которым дали грузовики денег и предоставили полную свободу действий в поисках черного рынка оружия. В качестве награды, некоторые из этих преступников позже получили высокие правительственные посты. — *Прим. авт.*

С 1991 по 1995 год солдаты Сербии, унаследовавшей основную часть югославской армии, занимали позиции вокруг Сараево. Этот город расположен на узкой полоске земли между поросшими лесом холмами — идеальный ландшафт для военной осады, и

Эта последняя война тысячелетия стала олицетворением эпохи конфликтов и геноцида и одновременно — предвестником нового витка «столкновения цивилизаций»

сербь держали его в блокаде в течение четырех варварских лет, что стало самой долгой осадой современности. В среднем на Сараево ежедневно обрушивался дождь из 329 гранат РПГ, снарядов и мин, а в наиболее активные дни это число возрастало в десять раз. Снайперы отстреливали

свои цели играючи, словно охотились на уток у пруда: семилетняя девочка-мусульманка; семидесятилетняя бабушка; помогающий раненым медик... За время осады погибли по меньшей мере 11 тысяч гражданских лиц, включая 1600 детей. Когда на кладбищах уже не осталось свободного места, могильщики реквизировали футбольное поле спорткомплекса, построенного к зимним олимпийским играм 1984 года.

И это — в современной Европе, где подобные зверства, по идее, уже никогда не должны были бы повториться. Но они повторились в виде 1443 дней непрерывных артобстрелов города, оставшегося без электричества, отопления, газа и телефонной связи. Главным источником воды стала пивоварня, которая

великодушно открыла свои глубоководные скважины для тех, кто был достаточно смел, чтобы рискнуть отправиться за водой под огнем снайперов.

Большинство зданий в Сараево и по сей день носят на себе шрамы от пуль и шрапнели. Памятные таблички обозначают те места, где снаряды падали в гущу гражданского населения: на этом углу погибли 22 человека; на этой пешеходной улице — 40; на этом продуктовом рынке — 70. Я жил в восстановленном францисканском монастыре, пережившем 42 прямых попадания.

Хотя больше всего зверствами отличались сербы, в той или иной мере виновны были все стороны конфликта, и их лидеров арестовали и судили за военные преступления. Войны, наконец, завершились в 1999 году — отчасти благодаря бомбардировкам авиации НАТО и мирным соглашениям Билла Клинтона. В итоге страна под названием Югославия разделилась на семь независимых государств. При этом самая большая часть территории перешла под контроль Сербии.

«Откуда такая жестокость?»

Восток и Запад могут сосуществовать на одной и той же улице в Сараево. Если, оказавшись на рынке, вы посмотрите в одну сторону, то не останется сомнений, что очутились в Вене с ее изящными зданиями, луковками куполов церквей и кучей кафе под открытым небом. Но взгляните в другом направлении — и вам покажется, что вы видите Стамбул с его чайными и магазинами специй, у прилавков которых толпятся мусульманские женщины. Совсем непо-

далеку происходили исторические сражения, остановившие средневековое нашествие мусульман, которые хотели захватить всю Европу, и, безусловно, ни одна из сторон ничего не забыла.

Внешние признаки страданий в Сараево напоминали увиденное мною в Японии: разрушенные здания, покореженные машины, поля надгробий на кладбищах. Но здесь виновниками стали люди. История шатается под тяжестью страданий, причиненных человеческими ненавистью и амбициями. Эта последняя война тысячелетия стала олицетворением эпохи конфликтов и геноцида и одновременно — предвестником нового витка «столкновения цивилизаций» ислама и христианского Запада. Через несколько лет Соединенные Штаты, которые вмешались в балканский конфликт на стороне оказавшихся под ударом мусульман, сами стали жертвой атаки исламских пилотов-экстремистов 11 сентября 2001 года.

Я вспоминаю один разговор с Бобом Сейплом, в то время возглавлявшим благотворительную организацию «World Vision». Он как раз вернулся из Руанды, где произошла массовая резня. Стоя на мосту, он наблюдал за тысячами распухших тел, которые несла река у него под ногами. Представители племени Хуту по никому не понятным причинам зарубили мачете почти миллион людей другого племени, Тутси — своих соседей, одноклассников, членов своей церковной общины... «Для меня это был кризис веры, — признался Сейпл. — Не существует таких категорий, которыми можно было бы описать подобный ужас. Кто-то использовал слово ‘зверство’, но нет — оно унижает достоинство зверей. Животные убивают ради пропитания, а не удовольствия, и притом — одну или две жертвы за раз, а не миллион предста-

вителей своего же вида и без каких-либо причин. У меня из головы не выходил стих из Первого послания Иоанна: 'Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире'. Мог ли я верить в такое обетование, глядя на реку, багровую от человеческой крови?»

Задумавшись об этих словах, я стоял у реки, живописно извивающейся по центральной части Сараево, осознавая, что не так давно она тоже была красной от человеческой крови. Я бывал в нацистских концлагерях, в таких местах, как Освенцим, Дахау и Берген-Бельзен, ставших монументами той же бесчеловечности, которая ошеломила Сейпла. Я брал интервью у русских и китайцев, переживших страшнейшие жестокости при коммунистах. И вот, за несколько дней пребывания в Сараево я встретился с обыкновенными жителями современного европейского города, которые пережили голод, в то время как бывшие соседи использовали их как мишени в садистском упражнении в стрельбе.

«Откуда такая жестокость?» — спросил я у журналиста, который вел дневник в течение всей четырехлетней осады. Он опустил глаза, внимательно рассматривая свои руки и сияясь мысленно пробудить в памяти те дни. Хотя некоторые воспоминания уже стерлись, шрамы сохранились. «Откуда? — Это вопрос, на который нет ответа. То были наши друзья, соседи, и вот — теперь они стреляли в нас и взрывали наши дома. Философ Ханна Арендт пишет о банальности зла. Величайшие преступники были примерными отцами и мужьями. Они ничем не отличались от нацистов, которые в течение дня могли отправлять евреев в газовые камеры, а затем возвращаться домой и слушать концерты вместе со своей семьей».

Как и во время гражданской войны в Америке, югославский конфликт разрывал семьи. Я разговари-

вал с одним мужчиной, два брата которого выбрали разные стороны. Один присоединился к боснийским мусульманам, оставшимся в Сараево для противостояния осаде, а другой убежал из города, чтобы служить с хорватами. Дело еще больше усложнялось тем, что сестра этого человека была замужем за сербом, мобилизованным в осадное войско. «Многие браки были смешанными, как этот, — рассказывал он. — Сербы с хорватами, хорваты с боснийцами, боснийцы с сербами — и многие из них распались. Как и страна...» — его голос осекся.

Как человеку пережить постоянное напряжение осадной жизни? Выжившие рассказывали мне, что для этого, поднимаясь каждое утро, они старались не думать о завтрашнем дне и полагались на поддержку общины. Жители Сараево держались на диете из бобов, макарон и риса — гуманитарной помощи, которую им поставляли, преимущественно по воздуху, ООН и силы НАТО, контролировавшие аэропорт. Потребовалось четыре месяца, чтобы прокопать под открытой местностью почти километровый туннель до аэропорта, и по ночам в нем толпилось по тысяче горожан, пришедших за спасительным пайком. Вход в туннель стал новой целью для снайперов, которые брали на прицел каждого, кто пытался пробраться туда в светлое время суток.

Тем не менее, почти все вспоминали и о хороших моментах. «У нас никогда раньше не было таких вечеринок, — сказал мне один из переживших блокаду. — Если кто-то находил щепотку паприки или другой приправы, то он созывал всех соседей на вечеринку. Однажды моя семья девять дней подряд ела одни пустые макароны. У нас не было ни специй, ни мяса, ни зелени. Моей маме настолько надоела эта

пресность, что она пошла и нарвала на улице немного травы, чтобы присыпать ею макароны и внести хоть какое-то разнообразие во вкус и цвет. Само собой, этим блюдом мы тоже поделились с соседями». Опросы, проведенные среди пожилых британцев, живших в Лондоне во время немецких бомбардировок, показали, что большинство из них вспоминают те дни с ностальгией: как, услышав в небе гул бомбардировщиков, они спускались в метро, где пели патриотические песни, радостно подбадривали защитников из Королевских военно-воздушных сил и ставили раскладушки, готовясь ко сну. Нечто подобное происходило и в Сараево.

В городе бытовала шутка: «Вы знаете, в чем разница между оптимистом и пессимистом? Пессимист говорит: ‘Да уж! Хуже быть не может’, — а оптимист ему: ‘Не расстраивайтесь. Всегда может быть еще хуже’».

Одна женщина, у которой я брал интервью, вспоминала: «Тяжелее всего было зимой. Без электричества нам нечем было согреться, и потому мы сжигали все подряд. У меня был на руках младенец, родившийся прямо посреди этого ада. Мы рубили

топором фамильную мебель. Через какое-то время приходит оцепенение — как эмоциональное, так и физическое. Затем на Рождество один из соседей принес мне бесценный подарок: неизвестно где най-

Претворение в
жизнь принципа «око
за око и зуб за зуб»,
доведенное до
логического конца,
сделало бы весь мир
слепым и беззубым

денную, покрытую грязью корневую систему дерева. Я заплакала. Он был мусульманином и вообще не праздновал Рождество, и все же пошел на жертвы, чтобы нам было тепло. Я никогда еще не получала подарка, который бы столько значил для меня, и до сих пор храню этот кусок дерева. Просто не смогла его сжечь. К моему стыду, этот жест растрогал меня больше, чем новость о смерти очередных тридцати человек».

Один мужественный виолончелист поднял боевой дух целого города своей реакцией на убийство двадцати двух гражданских, стоявших в очереди за хлебом. В течение двадцати двух дней подряд он выходил из своей квартиры во фраке и цилиндре, ставил табурет на том месте, где из-за минометного обстрела погибли эти люди, и давал в память о них сольный концерт. Его необычайная храбрость придавала смелости горожанам, которые присоединялись к нему даже в те дни, когда поблизости рвались снаряды.

Слепой и беззубый мир

Месяцы тянулись мучительной чередой, и город, который всегда гордился своей разнородностью, начал раскалываться на части, как и вся страна. До войны в Сараево жили самые разные этнические группы с большим представительством католиков, мусульман и православных. Теперь же город стал на 80 процентов исламским, численность православных и католиков значительно сократилась, а протестантов остались считанные единицы. В ходе каждой беседы я обязательно спрашивал: «А как теперь? Вы готовы к примирению?» Ни один человек не ответил: «да».

Раны одновременно слишком свежи и слишком запущенны, поскольку этим распрям уже более семи столетий. «Любой компромисс — это поражение», — сказал один из лидеров Сербии. «Любое примирение — это предательство», — вторит ему другой.

Конфликт на Балканах может разгореться снова. Сейчас, когда я пишу эти строки, в выпусках новостей доминирует гражданская война в Сирии — повторение тех самых злодеяний, о которых я слышал на Балканах. Геноцид, завершившийся в Руанде, сегодня продолжается в Демократической Республике Конго и в Нигерии. Мне вспоминаются слова Ганди о том, что претворение в жизнь принципа «око за око и зуб за зуб», доведенное до логического конца, сделало бы весь мир слепым и беззубым. Я никогда еще не бывал в месте, которое настолько нужно в благодати и прощении, но с таким упорством противилось им. Как показали Соединенные Штаты после гражданской войны и наши близкие отношения с бывшими врагами, Германией и Японией, — исцеление после жестокого человеческого конфликта возможно, но только если его хотят обе стороны. К сожалению, зачастую преградой становятся гордость и жажда мести.

Однажды вечером во время визита в Сараево моим провожатым был жизнерадостный францисканский монах по имени Иво Маркович. Он отвез меня на еврейское кладбище, расположенное на холме высоко над городом. Во время осады это был один из главных наблюдательных пунктов сербских снайперов. Ежась на холодном западном ветру, мы смотрели вниз на те самые улицы, где они ежедневно выискивали своих жертв. Каждая могила имела те или иные знаки осквернения. Надгробия были испещрены сле-

дами от пуль, покрыты граффити, разбиты и перевернуты. Я прочитал о Марковиче в книге Мирослава Вольфа «Безвозмездно». В его деревне злодеями себя проявили исламские боснийцы, убив 21 человека, включая 9 членов семейства Марковичей: все — пожилые люди, среди которых самым молодым был 71-летний отец Иво.

По окончании войны Маркович навестил свою родную деревню. Предоставлю рассказать эту историю самому Вольфу:

Дом, в котором раньше жил его брат, теперь занимала какая-то свирепая мусульманка. Его (Марковича) предостерегали, чтобы он не ходил туда, потому что эта женщина, готовая защищать свой новый дом, всем угрожала ружьем. И все же он пошел. Когда Иво приблизился к дому, женщина уже ожидала его с сигаретой в зубах и с ружьем со взведенным курком в руках. «Убирайся отсюда, или я пристрелю тебя!» — рявкнула она. — «Нет, вы не пристрелите меня, — ответил отец Маркович мягким, но уверенным тоном. — Вы приготовите для меня чашку кофе». На мгновение изумленно уставившись на него, женщина медленно опустила ружье и отправилась на кухню. Взяв последнюю щепотку кофе, которая у нее оставалась, она смешала ее с уже использованной гущей, чтобы приготовить достаточно напитка для двоих. И вот они, два заклятых врага, завели беседу за чашкой кофе, участвуя в древнем ритуале гостеприимства. Женщина поведала о своем одиночестве, о потерянном доме, о

сыне, который так и не вернулся с войны. Когда отец Маркович снова наведался к ней месяц спустя, она сказала ему: «Я рада видеть вас почти так же, как если бы домой вернулся мой сын».

Говорили ли они о прощении? Не знаю. И, в некотором смысле, это неважно. Маркович (жертва) пришел к этой мусульманке просить о гостеприимстве в доме его брата, которым она неправоммерно завладела. И та откликнулась. Хотя женщина и встретила Марковича с ружьем, она сделала ему подарок и была рада его присутствию. Ритуал беседы за чашкой кофе стал первым робким шагом на пути к взаимному принятию. Если этот путь продолжить, то он проведет даже через труднопроходимый край прощения.

Только вернувшись домой из Сараево, я осознал всю значимость существования еврейского кладбища, на котором побывал вместе с отцом Марковичем. «Как ни удивительно, когда-то в Сараево была процветающая еврейская община, — рассказывал мне Иво, обводя рукой разбитые надгробные камни с выгравированными на них звездами Давида. — Когда инквизиция изгнала евреев из Испании и Португалии, их радушно приняла исламская Османская империя. Они здесь преуспевали, как видно по качеству мраморных надгробий, хотя они теперь и изуродованы».

Некогда численность евреев здесь достигала 20 тысяч человек, что составляло пятую часть населения. За многонациональную разнородность Сараево прозвали «маленьким Иерусалимом».

К середине XIX века каждый врач в городе был евреем, и здесь процветали пятнадцать синагог. Затем, спустя сто лет, пришел Холокост, погубивший 85 процентов евреев Сараево.

Крики о помощи

В каждом уголке Сараево я слышал призрачное эхо вопроса, преследующего историю человечества: почему Бог не вмешивается? Почему Он не убрал Гитлера до того, как тот набросился на евреев? Почему Он не избавил Сараево после четырех дней, а не четырех лет осады? «Ох, этот странный мир, — сетует один из персонажей книги Хаима Потока “Меня зовут Ашер Лев”. — Иногда мне кажется, что у Властелина вселенной есть еще какой-то мир (Боже, упаси!), о котором Он заботится, и потому пренебрегает *этим* миром».

Я начал воспринимать балканскую историю как типичный пример притеснения меньшинств — вечной судьбы евреев и темы, которая снова и снова звучит в Библии. Израилю тоже была знакома гражданская война. В правление первого царя Саула поднялось восстание во главе с Давидом, который позже сам столкнулся с мятежом собственного сына Авессалома. Два поколения спустя страна разделилась надвое, положив начало периоду нестабильности, во многом напоминающему события на Балканах.

В такие времена песни протеста смешивались с песнями хвалы, что видно из Книги Псалмов. По оценке Юджина Петерсона — автора перевода-парафраза Библии, известного под названием «The Message», — две трети Псалмов содержат стенания.

«Я изнемог от вопля, засохла гортань моя, истомились глаза мои от ожидания Бога моего», — сетует один из псалмов, приписываемый Давиду. «Время Господу действовать: закон Твой разорили», — заявляет другой. Бог, кажется, вполне понимает основания нашего протеста, как и нашу потребность в гневе, направленном против боли.*

Порой Божий «избранный народ», подобно жителям Сараево, оказывался в осаде в прямом смысле слова. После одного из таких штурмов ассирийцы убили тысячи израильтян, а выжившим пробили нос или нижнюю губу железными крюками, чтобы увести их в рабство. Так и появились «потерянные колена Израиля». Следующий чужеземный захватчик, Вавилон, пошел еще дальше, завоевав Иерусалим и разрушив

Божий храм. Когда пыль сражений улеглась, израильтяне оказались рассеянными по всему лицу земли и не воссоединялись как независимое государство в течение двадцати пяти веков. Один из псалмов, написанных под

Перенося
собственную
малую толику
мировых
страданий, я могу
безнаказанно
высказать Богу
все, что
чувствую

---

* Мой пастор в Колорадо когда-то во время учебы в колледже Регент проходил учебный курс по Псалмам, который читал Юджин Петерсон. «Мне нравился этот курс, — вспоминал он, — но я терпеть не мог домашние задания. Петерсон требовал от нас выходить куда-нибудь на природу — желательно, в дремучий лес вокруг кампуса в Ванкувере — и с громким криком цитировать по пять псалмов каждый день, словно швыряя их в небеса». — *Прим. авт.*

впечатлением этой трагедии, передает ту же горечь по отношению к врагам, которую я услышал от жителей Сараево: «Дочь Вавилона, опустошительница! Блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам! Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!»

Пророки зывали о Божьем вмешательстве. «Буду говорить с Тобою о правосудии, — требовал Иеремя в момент бравады. — Почему путь нечестивых благоуспешен, и все вероломные благоденствуют?» Аввакум вещал менее утонченно: «Доколе,

Мы зываем к
Богу, чтобы Он
совершил что-то
для нас, в то
время как Он
предпочитает
действовать
внутри нас и
рядом с нами

Господи, я буду зывать, и Ты не слышишь, буду вопиать к Тебе о насилии, и Ты не спасаешь? Для чего даешь мне видеть злодейство и смотреть на бедствия?»

Обилие стений и протестов в Ветхом Завете четко показывает, что, сколь бы чудовищной ни была несправедливость, мы не можем рассчитывать на прямое Божье заступничество в событиях человеческой истории. Многие благочестивые люди, подобно израильтянам и жителям Сараево, оказались захваченными бурей войны и угнетения.

Я думаю о миллионах христиан в Китае и Советском Союзе, преследуемых за веру, а также о тех, кто сегодня сталкивается с насилием в таких странах, как Сирия, Ирак, Иран, Пакистан и Нигерия.

На примере Библии я также узнал, что мы правы, протестуя против насилия и несправедливости,

и даже — призывая Бога к ответу за то, что Он позволяет существовать такому миру. Перенося собственную малую толику мировых страданий, я могу безнаказанно высказать Богу все, что чувствую. Ричард Рор отмечает, что в то время как благочестивые друзья Иова возвышенно говорили *о Боге*, сам Иов говорил *Богу*. Он напрямую обратился к Богу пятьдесят восемь раз.

В аналогичном ключе, один еврейский раввин отмечает, что Псалом 22, который часто используют как источник утешения в больницах и ритуальных залах, объединяет в себе два совершенно разных мотива. Он начинается с ободряющих слов: «Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться», — рисуя картину зеленых пастбищ и тихих вод. В противоположность этой сцене, вторая выглядит ужасающе, говоря о присутствии «врагов моих» и «долине смертной тени». Но в первой, идиллической картине о Боге говорится в более отстраненной манере, в третьем лице (слова *о Боге*): «Он покоит меня на златных пажитях... Направляет меня на стези правды...». Интонация смещается к более близкому второму лицу (слова, обращенные *к Богу*) после того, как псалмопевец проходит через долину смертной тени. Враги, как и зло, все еще присутствуют, но «не убоюсь зла, потому что Ты со мной». Бог стал ближе.

Эти три слова: «Ты со мной» открывают то единственное, на что мы можем рассчитывать во времена бедствий. Какими бы ни были обстоятельства, мы всегда можем положиться на «Эммануила», что просто означает: «Бог с нами». В Библии описано несколько случаев эффектного Божьего вмешательства в ход истории, но они были редки и происходили слишком поздно, чтобы спасти многих жертв. Го-

раздо чаще Бог использует преобразенных людей, чтобы изменить историю. Мы зываем к Богу, чтобы Он совершил что-то для нас, в то время как Он предпочитает действовать внутри нас и рядом с нами.

В качестве доказательства Бог проявил солидарность с нами, продемонстрировав наибольшую близость из всех возможных: Божий Сын, *Эммануил*, присоединился к человеческому роду. Первым это слово использовал пророк Исаия посреди одной из гражданских войн Израиля. «Се, дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Эммануил», — сказал он в своем предсказании, которое Матфей позже отнес к Иисусу. В других фрагментах Исаия изобразил ребенка, которого назовут «Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира», и который однажды восстановит справедливость на земле.

По соседству

Вера Николаса Уолтерсторфа — выдающегося философа из Йельского университета — подверглась суровому испытанию, когда его 25-летний сын погиб в горах, занимаясь альпинизмом. В своей компактной и печальной книге «Плач по сыну», содержащей размышления о том времени, он приходит к заключению, что кое в чем мы нуждаемся даже больше, чем в ответе на вопрос «почему?» Нам необходимо подтверждение Божьего Присутствия в нашей скорби. И Уолтерсторф нашел это Присутствие в Том, Кто принял имя «Эммануил».

По какой-то причине Бог решил ответить на человеческие неприятности не взмахом волшебной па-

лочки, заставляя зло и страдания исчезнуть, а приняв их лично. «И Слово стало плотью, и обитало с нами», — написал Иоанн во вступлении к своему Евангелию. Пред лицом страданий слов недостаточно. Мы нуждаемся в чем-то большем — в Слове, облекшимся в плоть, которое стало живым доказательством того, что Бог нас не покинул. Как выразился Дитрих Бонхёффер, «помочь может лишь страждущий Бог».

Юджин Петерсон в «The Message» переводит этот стих из Евангелия от Иоанна следующим образом: «Слово стало плотью и кровью и перебралось жить к нам по соседству». Куда же перебрался Иисус? Чтобы ответить на этот вопрос, сделаем краткий экскурс в историю. Великие империи одна за другой проходили маршем по территории Израиля, словно вытирая ноги о землю обетованную. После ассирийцев и вавилонян пришли персы, которых, в свою очередь, разбил Александр Македонский. После его смерти подчиненные ему территории делили между собой несколько преемников, из которых самым одиозным был Антиох IV Епифан, считавшийся у евреев олицетворением зла вплоть до появления Гитлера.

Разочарованный военными поражениями на других фронтах, Антиох пошел войной против иудейской религии. Он превратил Божий храм в место поклонения Зевсу и провозгласил себя богом во плоти. Антиох вынуждал мальчиков делать операции, восстанавливающие статус-кво обрезания, и забил плетью до смерти пожилого священника за то, что тот отказался есть свинину. Одним из наиболее известных его злодеяний стало осквернение Святого Святых — жертвоприношение на алтаре свиньи, кровью которой затем измазали все святилище храма.

Действия Антиоха настолько возмутили иудеев, что они подняли вооруженное восстание под предводительством Маккавеев. Его завершение триумфом отмечает еврейский праздник Ханука. Впрочем, победа оказалась недолговечной. Вскоре в Палестину маршем вошли римские легионы, которые подавили мятеж и назначили Ирода «царем иудейским». После римского завоевания почти вся страна лежала в руинах. Ирод, которому было уже под семьдесят, часто болел, но вот до него дошли слухи о том, что в Вифлееме родился новый царь, и вскоре величественное пение ангельского хора: «Слава в вышних Богу, и на земле мир!» — потонуло в скорбных воплях семей убитых младенцев.

Вот куда перебрался Иисус: в мрачное место с безрадостным прошлым и пугающим будущим — это немногим отличалось от увиденного мною в Сараево. В I веке Израиль был побежденной, запуганной нацией. Однажды за один день оккупанты распяли восемьсот фарисеев. Правоверные иудеи отчаянно цеплялись за веру в «Эммануила», Бога, Который с нами, и заключалась она в том, что, вопреки всем внешним признакам, Бог делит с нами все беды.

Жизнь Самого Иисуса — это история добровольно принятых страданий, ибо Он тоже стал жертвой римлян. Через несколько десятилетий после смерти Иисуса римские легионы осадили Иерусалим. Это была долгая борьба, которая, как и блокада Сараево, продлилась четыре года. Наконец, римляне, пробив стены, ворвались в город и убили около миллиона его жителей. Один историк назвал это «величайшей резней в истории древнего мира». Предвидя такой исход, Иисус оплакивал судьбу города: «Иерусалим! Иерусалим! Избивающий пророков и камнями

побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели». И опять Бог не воспользовался Своей властью, позволив истории идти своим чередом.

От Иисуса я узнал, что Бог на стороне страдальцев. Бог вошел в драму человеческой истории как один из ее персонажей — не демонстрируя Свое всемогущество, а максимально приблизившись к нам и став предельно незащищенным. В малом масштабе, на уровне личностных отношений Иисус столкнулся с теми же страданиями, которые присущи каждому из нас. И как Он реагировал на них? Избегая философских теорий и богословских уроков, Иисус протягивал руку исцеления и сострадания. Он прощал грехи, исцелял страждущих, изгонял зло и даже победил смерть. Недолгая жизнь Иисуса на земле даровала нам не только яркий, сверкающий ключ к будущему, но и стала наглядным примером того, как мы, Его последователи, должны относиться к страдальцам.

Меняют ли что-нибудь обещание о приходе Эммануила и тот образец для подражания, который нам оставил Иисус? Безусловно, они не отвечают на вопрос о причинах существования зла, как такового, и почему невинные люди страдают (как жертвы блокады Сараево), в то время как злодеи преуспевают. И все же, они помогают нам увидеть Бога не каким-то далеким существом, которого совершенно не касается происходящее с нами на земле, а Тем, Кто готов пережить все это лично. Ни в одной другой религии нет модели Бога, настолько глубоко и сострадательно отождествляющего Себя с человечеством.

Мы проходим через страдания не в одиночестве, а с Богом, Который рядом с нами. Две истории пока-

зывают, что вера в это действительно многое меняет — по крайней мере, для некоторых. В первой из них Генри Ноуэн рассказывает о своей поездке в Перу, во время которой его попросили провести церемонию погребения семнадцатилетнего парня. «Я сказал себе, что должен как-то утешить маму этого мальчика, — вспоминает Ноуэн. — Только представьте: убили ее семнадцатилетнего сына. Что это за мука, какая боль! Я немного нервничал, как бывает с каждым из нас, когда приходится вмешиваться в столь болезненную ситуацию».

Перед ним стояли мама покойного, два других ее сына, тетя, дядя и дедушка. Ноуэн размышлял над тем, что бы извлечь для такого момента из его обширного арсенала научных знаний и психологической подготовки. «Я лишь хочу сказать, как сильно вам сочувствую...» — начал он, запинаясь.

«Грасиас, падрэ, грасиас. Мучас грасиас», — то и дело повторяло семейство, пока он пытался подобрать правильные слова.

«Я только хочу сказать...» — опять начал Ноуэн, но его снова перебили: «Грасиас, падрэ, мучисимас грасиас». Каждый раз, пытаясь что-то сказать, он запинаясь, и эти люди благодарили его. Наконец, мама покойного подошла и сказала: «Отче, не надо так огорчаться! Разве вы не знаете, что Господь любит нас? Вот мои сыновья, а вот — мои тетя и дядя. Давайте вы пообедайте с нами. Пойдемте к нам в гости. Мы сможем выдержать боль от потери Тони, потому что с нами Бог».

Герой второй истории — Кристиан Уиман: поэт, который вырос в религиозной семье в Техасе, затем охладил к вере, преподавал в университетах, много путешествовал по миру и, наконец, остепенившись,

стал редактором старейшего в Америке поэтического журнала «Poetry». Вскоре после того, как он женился, в возрасте 39 лет у него обнаружили редкую, неизлечимую форму рака крови, которая стала причиной его мучительной медицинской одиссеи и дала стимул для беспокойных попыток вновь обрести утраченную веру. Последнее Уиман описывает в своих замечательных размышлениях под названием «Моя яркая бездна»:

Я христианин, благодаря тому моменту на кресте, когда Иисус, испив до дна чашу человеческой горечи, воскликнул: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (Знаю, знаю: Он цитировал Псалмы. Но кто цитирует поэзию, когда его пытаются? Суть не в словах, а в том, что Иисус прочувствовал человеческую нужду во всей ее полноте. Суть в том, что в страданиях Бог *с нами*, а не в стороне от нас.) Я христианин потому, что понимаю, какое значение тот момент страстей Христовых имеет для моей собственной жизни. Он говорит о том, что абсолютные одиночество и обособленность, характерные для величайшей человеческой боли — это иллюзия. Я не предполагаю, что служебные ангелы спустятся к вам, дабы утешить на смертном одре. Я говорю о том, что страдания Христа вдребезги разбивают железные стены, которыми обнесены индивидуальные человеческие страдания. Благодаря сопереживанию Христа, становится возможным предельное человеческое сопереживание — даже вплоть до самой смерти. Таким обра-

зом, человеческая любовь может прости-
раться прямо вглубь смерти, но только не
тогда, когда она является *просто* человече-
ской любовью.

Когда осознаешь это, тебе не так одиноко, —
говорит Уиман. В современном мире, который пола-
гает, что Бога не существует или же Ему нет до нас
дела, «Христос — это Бог, взывающий: ‘Я здесь’». Благодаря Иисусу, мы можем быть уверены: все, что
тревожит нас, еще больше тревожит Бога. Как бы мы
ни скорбели, Бог скорбит больше. И о чем бы мы ни
тосковали, Бог тоскует об этом больше.

Луч надежды

Для того чтобы во всей полноте оценить, какой
вклад вносит жизнь Иисуса в поиск ответа на во-
просы, поднимаемые страданиями, мне достаточно
взглянуть в любом другом направлении. Каждая фи-
лософская школа и религия должна каким-то обра-
зом прийти к согласию со страданиями в ее
собственном контексте, и, побывав в таких местах,
как Япония, Индия и Ближний Восток, я увидел дру-
гие подходы.

Буддизм честно признает: «Жизнь — это стра-
дания», — и советует, как их принять. Он учит: на-
учившись жить без желаний и страха, мы можем
обезоружить страдания и обрести внутренний покой.

Ислам советует покориться всему, что происхо-
дит, ибо все по воле Аллаха. Врачи в исламских стра-
нах рассказывают мне о том, что родители редко
протестуют, когда умирают их маленькие дети. Да,

они печалются, но не протестуют. А один миссионер в Бангладеш вспоминал о реакции местных жителей на ужаснейшее из стихийных бедствий XX века: огромное наводнение 1970 года, убившее полмиллиона человек. «Конечно, все были потрясены и ошеломлены, — рассказывал он, — но я почти не встречал тех, кто был бы озадачен. Лишь немногие задавали вопрос: ‘Почему?’ Все воспринимали стихийное бедствие как Божью волю».

Индуизм идет еще дальше, уча, что мы заслуживаем выпавшие на нашу долю страдания, поскольку они являются следствием грехов, совершенных в предыдущей жизни. В Ведах изложен закон кармы: «Те, чье поведение здесь было хорошим, быстро приобретут хорошее перерождение, родившись брахманом, воином или торговцем. Но те, чье поведение здесь было плохим, быстро приобретут плохое перерождение, родившись собакой, свиньей или изгоем».

Со своей стороны, светские правительства реагируют на страдания отчаянными попытками устранить их. Службы здравоохранения искоренили оспу и большинство разновидностей инфекционного полиомиелита, а также серьезно продвинулись в борьбе с малярией, но вскоре столкнулись с новыми недругами, наподобие СПИДа, «птичьего» гриппа и плотоядных бактерий. Инженеры возвели дамбы вокруг Нового Орлеана и волнорезы вдоль побережья Японии, а затем увидели их несостоятельность перед беспрецедентными силами природы. Утихла война в Ираке, но последовала вспышка насилия в Афганистане, а за ней — в Тунисе, Ливии, Египте, Сирии, Йемене, Мали, Судане. Стрельба звучала в стенах школы «Колумбайн», Политехнического универси-

тета Виргинии, кинотеатра в городе Аврора, в начальной школе Ньютауна. Сможем ли мы когда-нибудь положить конец подобным трагедиям? Бомбы террористов взрываются в Ираке, Англии, Испании, Афганистане, Бостоне, Пакистане... Наши исполненные благих намерений усилия по решению проблем в конечном итоге напоминают компьютерную игру: чем успешнее ты пройдешь один уровень, тем большие испытания тебя ожидают на следующем.

Христианская вера, построенная на своем иудейском основании, отражает настолько разносторонние взгляды, что кажется парадоксальной. С одной стороны, она поощряет протест и даже предоставляет для этого соответствующие слова, но с другой, как я уже упоминал ранее, библейские фрагменты, выражающие протест, озарены дерзким лучом надежды. Последователи Иисуса основывают свои заявления на твердой уверенности в том, что однажды Бог исцелит эту планету от боли и смерти. Пока же тот день не настал, аргументы против Бога неизбежно опираются на неполноту доказательств. Мы не сможем по-настоящему примирить наш измученный болью мир с любящим Богом, так как то, что мы переживаем сейчас, не соответствует Божьему замыслу. Сам Иисус молился о том, чтобы Божья воля была «на земле, как на небе», — молитва, которая не получит полный ответ до тех пор, пока зло и страдания не будут окончательно побеждены.

Эли Стэнли Джонс — известный методист-миссионер прошлого века, трудившийся в Индии, — всю жизнь исследовал восточную философию и провел немало времени в беседах о страданиях со своим другом Махатмой Ганди. Джонс восторгался тем спокойствием, с которым индусы принимали боль.

В конце концов, их убеждения давали логическое объяснение существованию страданий. Джонс отмечал, что «индуизм и буддизм все обосновывают и оставляют все, как есть», в то время как христианское мировоззрение дает мало объяснений, но все преобразует. «Бог желает исцелить все болезни», — заключает он. Некоторые — посредством хирургии и медицинского лечения; некоторые — с помощью благотворных практик; некоторые — благодаря чуду, но будут и те, которым придется ожидать заключительного исцеления в воскресение мертвых. Но, в любом случае, Бог может извлечь что-то доброе и из самих страданий: «Нет такой боли, такого страдания, такого отчаяния, такого разочарования, которые не могли бы быть исцелены или употреблены для более высоких целей».

Вопреки утверждениям некоторых учителей «евангелия процветания», Библия не гарантирует, что страдания будут удалены от нас. Она обещает только то, что они как-то послужат ко благу или, говоря современным языком, будут «переработаны». Я отвожу использованные, смятые алюминиевые банки в пункт приема вторсырья в надежде, что кто-то извлечет из них что-то полезное. Я выбрасываю устаревший компьютер, зная, что какой-нибудь технарь выплавит из него золото и редкоземельные металлы, и они «послужат» где-нибудь повторно. Проводя параллели, можно сказать, что страдания тоже будут переработаны, обогатив чью-то жизнь.

Путь

искупления

проходит через

боль, а не в

обход ее

Я видел множество подтверждений полезности страданий. Например, актер Майкл Фокс писал, что сложные годы, когда он должен был смириться с болезнью Паркинсона, оказались «лучшим десятилетием моей жизни — и не вопреки моей болезни, а благодаря ей». Заболевание вынудило его превратиться из амбициозной, одержимой успехом личности в человека, более склонного к размышлениям и чуткого к другим. «Ворвись вы сейчас в эту комнату с объявлением, что заключили сделку ... согласно которой десять лет, прошедшие после установления моего диагноза, волшебным образом испарятся, и взамен их я получу десять других лет, оставаясь человеком, которым был прежде, то я без малейших колебаний велел бы вам проваливать... Я ни за что не вернулся бы в ту жизнь — в это скрытное, стесненное, подпитываемое страхом существование, которое становилось приемлемым только с помощью обособления, изоляции и потакания собственным желаниям».

Боль во благо

Христианский взгляд на страдания сконцентрирован на их благотворных свойствах. Хотя сама по себе боль может дать повод для гневного протеста, она также способна сделать в жизнь и добрый вклад. Я не согласен с теми, кто полагает, что Бог *посылает* страдания для достижения блага. Нет. В Евангелиях не обнаружишь Иисуса, Который говорит больным: «Причина, по которой ты страдаешь от кровотечения (или паралича, или проказы) — в том, что Бог работает над формированием твоего характера». Иисус

не читал лекций таким людям — Он исцелял их. Тем не менее, почти все новозаветные фрагменты, говорящие о страданиях, показывают, каким образом даже «плохое» может обратиться во благо.

В своих посланиях к верующим, несправедливо преследуемым за свою веру, Павел, Иаков и Петр единодушно подчеркивают благотворную ценность страданий. Например, Павел писал римлянам: «Хвалитесь и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда».

Апостол Павел уподобил свои достижения, за которые заплатил огромную цену, куче навоза. Но даже навоз можно «переработать», употребив с пользой в качестве удобрения. Страдания Мартина Лютера Кинга, Нельсона Манделы и Солженицына послужили в конечном итоге ко благу, хотя никто из них не мог себе тогда представить, как именно это произойдет. Также, самое знаковое преступление в истории — казнь Божьего Сына, — мы вспоминаем как *Великую* пятницу, а не мрачную или трагическую. Иисус сказал, что мог бы призвать легионы ангелов, чтобы предотвратить распятие, но Он этого не сделал. Путь искупления проходит через боль, а не в обход ее.

Через несколько недель после возвращения из Сараево я перечитал две книги — одну старую и одну новую, — принадлежащие перу моего друга Джерри Ситсера — профессора колледжа Уитворта, поведавшего свою личную сагу о благотворном страдании. Двадцать лет назад Джерри вез свою семью в микроавтобусе среди полей Айдахо, когда какой-то пьяный водитель на скорости 140 километров в час не вписался в поворот, перепрыгнул разделительную полосу

и врезался прямо в машину Ситсеров. В течение следующих нескольких минут, несмотря на отчаянные попытки реанимировать родных, жена, мама и четырехлетняя дочь Джерри умерли прямо у него на глазах. Он потерял сразу же три поколения близких, а его трое выживших детей получили серьезные травмы.

Джерри описал эту трагедию в своей более ранней книге «Скрытая благодать», которая многим помогла справиться с собственной печалью и утратой. В ней он подробно описывает этапы скорби и жизненные трудности овдовевшего отца, совмещающего воспитание детей с работой на полную ставку. Джерри пишет: «Помню, как я вечер за вечером опускался в свое любимое кресло, чувствуя себя настолько изнуренным и измученным, что не знал, переживу ли еще один день, и даже — *хочу* ли я его пережить. Для меня наказанием была сама жизнь, и я думал, что смерть принесла бы долгожданное облегчение».

Джерри столкнулся с поворотным моментом своей жизни. Будущее нависало над ним огромной, пугающей неизвестностью. «Причиненная автокатастрофой утрата изменила мою жизнь, поставив меня на курс по нисходящей, который я должен был пройти — хотел я этого или нет. На мои плечи легло огромное бремя. Это был ужасающий вызов. Я столкнулся с испытанием всей моей жизни. Один ее этап завершился, и я входил в другой, самый трудный».

Двадцать лет спустя Джерри написал книгу-продолжение под названием «Явленная благодать», в которой рассказывает о случившихся за это время событиях: о практической помощи, которую он получал от студентов и университетского сообщества; о трудностях воспитания детей без матери; и, наконец,

о новых вызовах второго брака и смешанной семьи. Каждое из слов, упомянутых Павлом: «терпение», «опытность», «надежда» — играет в истории Ситсера определенную роль, а вводная часть книги сосредоточена на понятии «исправление», оно же — «искупление».*

Как отмечает Ситсер, большинство слов, начинающихся с префикса «ре-», обозначают возвращение в прошлое, к какому-то первоначальному состоянию. Мы ре-монтируем старый дом; ре-организуем офис; ре-структурируем работу, ре-анимируем больного... Слово «искупление», *re-demption*, добавляет новое измерение, указывая вперед, в будущее. Выкупленный раб освобождается для новой жизни; искупленный грешник входит в новое состояние благодати. Однако, добавляет Джерри, искупление всегда подразумевает цену. Чтобы выкупить раба, кто-то должен заплатить, а в случае гражданской войны в США заплатить пришлось целому народу. Для искупления планеты Кто-то должен был заплатить.

Я бы добавил еще один факт касательно искупления: даже в новом состоянии шрамы не исчезают. Выкупленный раб в буквальном смысле носит на своих руках, ногах и спине шрамы от кандалов и избиений. Освобожденный алкоголик носит рубцы на своей печени. Страдание, послужившее ко благу, тоже подразумевает шрамы. Так, из памяти Джерри и его детей никогда не изгладятся автокатастрофа и ее последствия. Люди, пережившие цунами; жертвы войны в Сараево; община Ньютауна — все они могут найти способ перенести страдания и даже извлечь из

---

* Употребляемое автором здесь и далее слово «redemption» имеет оба эти значения. — *Прим. ред.*

них что-то доброе, но болезненные воспоминания никогда не исчезнут — да и не должны. Даже воскресшее тело Иисуса сохранило свои шрамы.

В заключительной главе «Явленной благодати» Джерри признает, что не может завершить книгу так же мило и оптимистично, как детскую историю, радостными словами о том, что после всего этого «они жили долго и счастливо».

В конце концов, мы действительно заживем долго и счастливо, но только по окончании истории искупления, что, судя по всему, будет еще нескоро. Пока что мы с вами находимся где-то в середине этой истории, словно увязнув в хаосе и кутерьме наполовину завершенной реконструкции дома. Возможно, нам осталась всего лишь одна глава, а может — и пятьдесят. В следующие несколько лет нас может ожидать все то же самое, с чем мы сталкиваемся сегодня, или же мы находимся на грани перемен столь драматичных, что знай мы о них заранее, то упали бы в обморок от страха или изумления (или от того и другого вместе). Возможно, мы входим в самый счастливый период нашей жизни, а быть может — и в самый печальный. Мы просто не знаем этого — да и не можем узнать...

На мой взгляд, есть только один хороший вариант: *мы должны во что бы то ни стало оставаться внутри этой истории искупления.* Какой бы туманной она нам ни казалась, мы можем быть уверены в том, что ее пишет Сам Бог...

Пространство для роста

В одной из последних книг Далласа Уилларда «Божественный сговор» есть следующие слова, спрятанные в уточнении: «На пути к нашему предназначению в безбрежном Божьем мире с нами не происходит — и не может произойти — ничего непоправимого».

Лично для меня эта фраза обобщает великую схему вселенской истории, изложенную в восьмой главе Послания к Римлянам. «Кто отлучит нас от любви Божьей? — задает Павел риторический вопрос, переходя к перечислению испытаний, с которыми он столкнулся как гонимый миссионер: «Скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?» Нет, потому что «любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу». И «Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?»

Вся Библия — это история исправления и искупления: об Адаме, получившем второй шанс вместе со своим сыном-убийцей Каином; о благословениях для таких, как Авраам и Иаков, несмотря на их промахи и ложь; о триумфах Иосифа и Даниила после темницы и ложных обвинений; об упрямом Моисее, похотливом Давиде и плаксивом Иеремии; о пестрой компании убийц, прелюбодеев и порочных царей, упомянутых Матфеем в списке предков Иисуса; о самом Иисусе, сложившем Свою жизнь ради других. Как выразилась романистка Мэрилин Робинсон: «В библейском повествовании снова и снова повторяется великая тема спасения — будь то Ной и его семья, народ Израиля или искупленные Христом. Обяза-

тельно существует некий остаток, слишком драгоценный, чтобы его потерять, в котором в том или ином смысле будет спасено все человечество, и эта мысль всегда дарила огромную, благословенную надежду».

«С нами не может произойти ничего непоправимого» — подтверждение

«Когда кажется,
что Бога нет,
иногда именно на
нас возлагается
задача показать
Его присутствие»

этих слов я видел даже в разрушенном войной Сараево. Я жил в монастыре, который был поврежден сорока двумя артиллерийскими снарядами, но с любовью восстановлен отцом Марковичем и его братьями-монахами. В то время как большинство христиан бежали из города, оставляя его мусульманам, орден

францисканцев не покинул Сараево. Они раздавали еду беднякам, помогали бездомным и возглавляли хрупкое движение в защиту мира. В мой первый вечер пребывания в монастыре я посетил концерт и многоконфессиональное собрание в честь святого Франциска при участии евреев (в Сараево их осталось несколько сотен) и мусульман. В конце концов, именно он пошел прямо через вражеские боевые ряды, чтобы встретиться с сарацинами в попытке остановить крестовые походы.

На следующий вечер я выступал в пятидесятнической церкви. Пастор поведал мне о темной ночи души, во время которой он испытал глубокое разочарование в Боге. Посреди блокады и бомбардировок у него диагностировали рак, а вскоре его жена родила ребенка, больного церебральным параличом. Этот па-

стор тоже решил остаться в осажденном городе. Его церковь постоянно росла, потому что никто не знал, куда еще обратиться. «Когда кажется, что Бога нет, иногда именно на нас возлагается задача показать Его присутствие», — сказал мне пастор. Зачастую этот мир познает истину об Эммануиле, Боге с нами, только благодаря Его последователям.

Повинуясь природному рефлексу, мы стараемся избежать страданий. Однако в какой-то момент мы столкнемся с трудностями, из которых не будет простого выхода — с «неизбежными страданиями» наподобие тех, которые претерпел Виктор Франкл в концлагере или Сараево во время осады. Последователи Христа не освобождены от трагедий зла и смерти точно так же, как не был освобожден от этого и сам Иисус. В то же время, испытания могут создать предпосылки для действия благодати, пробуждая скрытые резервы мужества, любви и сострадания, о которых мы, возможно, не знали.

Джон Ортберг однажды помог провести исследование процесса духовного становления. Были опрошены тысячи человек, которым задавали вопрос: «В какие моменты жизни вы больше всего возрастали духовно и что способствовало этому возрастанию?» Выяснив главный способствующий фактор, Ортберг был удивлен. Как оказалось, это — не пасторское учение, не общение в малых группах, не служения поклонения и не богословские книги, а страдания. Люди говорили, что в периоды потерь, боли и кризиса возрастали больше, чем в любое другое время. Мы обнаруживаем скрытую ценность страданий только через сами страдания — не как часть изначального или совершенного Божьего плана для нас, а как благотворное преобразование, происходящее посреди испытаний.

Пола Д'Арси — писательница, потерявшая мужа и двухлетнюю дочь в автокатастрофе, случившейся по вине пьяного водителя, — проводит группы психологической реабилитации для переживших масштабные катастрофы, наподобие урагана «Катрина». «Я поняла, что существуют два уровня жизни, — говорит она, размышляя о собственной скорби. — Один — это маленькая история вашей жизни, а другой — это движение Божьего Духа, пытающегося помочь нашим душам пробудиться для обретения силы, превосходящей все, что когда-либо может с нами произойти. Скорбь стала дверью, пройдя через которую, я нашла эту силу. Быть сломленной в столь молодом возрасте во многих отношениях стало для меня великим даром, поскольку теперь я до конца жизни могу извлекать пользу из того, что узнала... Неважно, что еще может произойти, — я нашла место внутри себя, которое больше любой тьмы».

Разумеется, возрастание посредством страданий не приходит автоматически. Без поддержки окружения и мудрой любви страдания могут привести к изоляции и отчаянию. И все же, как журналист, я видел их алхимию в действии во многих местах: среди пациентов лепрозориев в Индии, пасторов в тюрьмах Китая и Бирмы, обнищавших пенсионеров в Чикаго, обитателей хосписов в Колорадо, друзей и знакомых, сражающихся с раком и другими опасными для жизни состояниями.

Шотландку по имени Маргарет, заболевшую раком горла, навестили несколько благонамеренных посетителей, один за другим пришедших в ее больницу палату, чтобы выразить свое сочувствие. Поскольку ей было трудно говорить, она написала на клочке бумаги следующие слова: «Это не самое худ-

шее, что может случиться в жизни! Рак очень ограничен. Он не может покалечить любовь, разбить надежду, разьесть веру, отнять мир, уничтожить уверенность, убить дружбу, стереть воспоминания, унять мужество, угасить Дух или ослабить силу Иисуса».

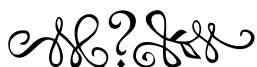
Одна из моих близких знакомых с четвертой стадией рака пошла еще дальше, проведя параллель между своим испытанием и курсом химиотерапии, который она проходила. Женщина знала, что химиотерапия направлена на то, чтобы убивать злокачественные клетки рака, и попросила Бога подобным образом использовать это «опасное, болезненное испытание для уничтожения, истощения и умерщвления в моей душе всего эгоистичного, порочного, оскорбительного для Него. Я охотно принимаю Его вливание, зная, что Он избрал то, что в конечном итоге принесет мне жизнь более изобильную, чем я могу вообразить». Прочитав эти строки, я, зная, какой ценой обходится химиотерапия, изумлялся настрою своей знакомой.

Мой друг из Новой Зеландии, также страдающий от рака, посреди курса химиотерапии написал следующее:

Еще раз хочу поблагодарить за ваши молитвы и составленную мне компанию на этом пути. Пусть в ближайшие недели Божья любовь прольется на ваши жизни самыми неожиданными способами. Опять-таки, это могло бы быть просто благочестивым завершением, не так ли? Но мы пришли к пониманию потрясающей истины. Бог сотворенной Им вселенной; Бог человеческой истории и

ее долгой предыстории; Бог семи миллиардов радующихся, страдающих, надеющихся и отчаивающихся людей на нашей планете встречается с нами лично; слушает, о чем мы говорим; живо интересуется тем, кто мы есть, и равнодушен к тому, кем мы можем стать; а также идет рядом с нами в жизненных перипетиях и трудностях. Это совершенно шокирует, это кажется невероятным, но это правда.

«Несчастье — лучшая книга в моей библиотеке», — говорил Мартин Лютер. Сомневаюсь, что я смог бы заявить об этом с такой же уверенностью. Впрочем, опираясь на множество свидетельств, я пришел к заключению, что страдания, обернувшиеся благом, впечатляют меня больше, чем избавление от страданий. Мы беспокоимся о том, что будет дальше, но Бога явно больше интересует, какими станем *мы*.

ЧАСТЬ 4

ИСЦЕЛЯЯ ЗЛО

Адам Лэнза был одиноким двадцатилетним парнем, жившим вместе со своей мамой в Ньютауне, штат Коннектикут. Через год после развода родителей он разорвал всякие отношения с отцом и братом. Еще в раннем детстве у Адама проявились признаки синдрома Аспергера — одной из форм аутизма, — и после первого класса, проведенного в начальной школе «Сэнди-Хук», он сменил несколько общественных и частных школ с кратковременными промежуточными периодами обучения на дому. Тем не менее, в старших классах Адам неплохо учился, и даже в колледже, куда он поступил в возрасте шестнадцати лет, прослыл твердым хорошистом, пока не бросил учебу после первого курса.

Утром 14 декабря 2012 года Лэнза взял из коллекции своей матери, хранящейся в незакрытом шкафу, два пистолета и полуавтоматическую винтовку. Зарядив обоймы, он вошел в спальню, где выпустил в лицо спящей мамы четыре пули, а затем отправился на машине в начальную школу, прострелил замок запертой двери, чтобы проникнуть внутрь, и устроил бойню, повергшую в шок весь мир.

Директор и школьный психолог, выбежавшие из конференц-зала на звон битого стекла и шум в коридоре, стали первыми жертвами Лэнзы. Бдительный

секретарь школы оставил включенной систему внутренней связи, благодаря чему учителя во всем здании, услышав хлопки выстрелов и крики, с возгласами «Прячьтесь!» забаррикадировали своих учеников за запертыми изнутри дверями. Пропустив одну из комнат для первоклассников, Лэнза вошел в класс Лорен Руссо, которая заменяла учительницу, ушедшую в декретный отпуск. Он застрелил Руссо и ее четырнадцать учеников вместе с педагогом-дефектологом, которая устроилась на работу всего за неделю до этого.

В классной комнате полиция обнаружила четырнадцать сваленных в кучу маленьких тел, в каждом из которых было как минимум по два пулевых ранения, а в одном — целых одиннадцать. Услышав стоны, доносившиеся из-под этой груды, офицеры оттащили в сторону несколько тел и нашли еще живого мальчика. Он умер в машине скорой помощи по пути в больницу. Невероятно, но одна шестилетняя девочка уцелела, притворившись мертвой. Она вышла из школы с ног до головы покрытая кровью одноклассников. «Мамочка, со мной все хорошо, но все мои друзья умерли», — сказала она, когда, наконец, нашла свою мать.

В следующем классе учительница Виктория Сото спрятала своих двадцать учеников в одежный шкаф и сервант. Она пыталась отвлечь Лэнзу, рассказывая ему, что все дети находятся в актовом зале в другом конце школы. В этот момент распахнулась дверь шкафа, и несколько испуганных малышей бросились к выходу. Лэнза убил шестерых из них, а затем остановился, чтобы перезарядить оружие, что дало возможность спастись другим шестерым детям. Они выбежали на лужайку дома психолога-пенсонера, жившего напротив школы. Тело Виктории Сото

нашли поверх детей, которых она пыталась защитить, вместе с еще одной убитой учительницей, специализировавшейся на аутизме. Рисунки учеников висели на информационном стенде, с надписями наподобие: «Я люблю мою учительницу мисс Сото».

Другие преподаватели, почуяв неладное, сразу же позвонили в службу 911, и полиция прибыла через десять минут после первого выстрела. Правоохранители были хорошо подготовлены и научены опытом прошлых ошибок, когда полицейские, окружившие школу «Колумбайн», слишком долго не начинали штурм, что привело лишь к гибели еще большего числа школьников. На этот раз они ворвались в здание сразу же — боевым клином и с оружием на изготовку. К этому моменту Лэнза уже разрядил из своей винтовки «Бушмастер» несколько магазинов на тридцать патронов, выпустив в общей сложности 154 пули. Когда, под вой сирен снаружи, полиция ворвалась в школу, он направил пистолет себе в голову.

Несколько минут спустя, осматривая класс мисс Сото, полицейские оторопели, увидев устремленные на них из глубины шкафа семь пар глаз. Это были дети, послушно переждавшие в темноте царивший вокруг них переполох. Дальше по коридору испуганная учительница отказывалась впускать кого-либо в класс до тех пор, пока один из офицеров не просунул под дверь свой значок. Открыв, женщина увидела перед собой пятнадцать полицейских и федеральных агентов с автоматическими винтовками.

Двенадцать мальчиков и восемь девочек — все в возрасте шести-семи лет — лежали мертвыми рядом с шестью своими педагогами. Завершив осмотр школы, полиция вывела четыреста уцелевших детей

на улицу. При этом им было сказано идти цепочкой друг за другом, положив руку на плечо впереди идущего и закрыв глаза, чтобы не видеть кровавого мессива, мимо которого они проходили.

Тем временем, родители учеников «Сэнди-Хук» были оповещены телефонным сообщением с просьбой явиться в пожарную часть, расположенную неподалеку от школы. Сотни встревоженных родителей примчались на место, встречая своих уцелевших детей со слезами и объятиями. Когда эти семьи, облегченно вздохнув, разъехались по домам, испуганные родители двадцати детей, не вышедших из школы, переместились в общественный центр для самого долгого ожидания в их жизни.

Город скорби

Редакторы отделов новостей уже сформировали списки главных событий 2012 года, среди которых больше всего голосов набрало переизбрание на второй срок президента Барака Обамы, но после декабрьской трагедии в Сэнди-Хук все остальные новости, казалось, потеряли всякую значимость. Впервые в истории агентство «Ассошиэйтед Пресс» провело повторное голосование, по результатам которого самое печальное событие года стало и самым важным.

Ошеломленные другими бойнями — в школе «Колумбайн», в Политехническом университете Виргинии, при покушении на Габриэль Гиффордс, в кинотеатре города Аврора, — некоторые американцы думали, что нас уже ничем нельзя шокировать. Но убийства в Сэнди-Хук пронзили душу нации новой,

еще более ужасной болью. Каждый вечер мы слышали все новые подробности о детях с веснушчатыми лицами, бесхитростными улыбками и ясными глазами, глядевших на нас с обложек журналов и телеэкранов в тот самый момент, когда мы видели, как маленькие гробы с их телами опускают в могилы. «Что с нами творится?» — задавались вопросами эксперты. Что мы за общество, если порождаем подобные акты насилия?

Несколько дней спустя, когда моя голова все еще шла кругом от этих новостей, зазвонил телефон. «Филип, это Клайв Калвер, — услышал я знакомый голос с британским акцентом. — Мы с тобой давненько не виделись, но, если помнишь, мы работали вместе на некоторых мероприятиях в Великобритании».

«Конечно помню, Клайв. Если не ошибаюсь, ты после этого возглавил ‘Уорлд Релиф’, не так ли?»

«Да, это благотворительная организация, основанная Национальной евангельской ассоциацией. Я провел несколько славных лет, работая на твоём бывшем поле деятельности в окрестностях Чикаго. Ты, наверное, не слышал, но после этого я стал пастором церкви в Уолнат-Хилл. Это в миле от городской черты Ньютауна, в Коннектикуте, где я живу».

Настроение Клайва внезапно изменилось. «Собственно, именно поэтому я и звоню, — продолжил он. — Я знаю, что ты участвовал в мероприятиях после стрельбы в ‘Колумбайн’ и выступал в Политехе Виргинии. Филип, наша церковь — самая большая в регионе, и эта трагедия глубоко нас затронула. Некоторые из наших прихожан потеряли своих детей. Мы уже провели одни похороны, и на завтра назначены еще одни. Человек из нашей церкви одним

из первых оказался на месте событий, и у нас есть несколько учителей из 'Сэнди-Хук'. Им всем очень тяжело, и мы хотим сделать что-нибудь для общины. Я знаю, что приближается Рождество, и у тебя, наверняка, есть свои планы, но может тебе все-таки удастся приехать и сказать несколько слов о вопросе, которому ты много лет назад посвятил книгу — 'Где Бог, когда я страдаю?'

Я знал, что должен согласиться, хотя понятия не имел, что можно сказать этой убитой горем общине. Как и любой человек после подобных трагедий, я чувствовал себя беспомощным. Теперь же у меня появилась возможность внести какой-то вклад, хотя я и не знал — какой. Я быстро связался со своими издателями, которые без малейших колебаний согласились пожертвовать общине Ньютауна несколько тысяч экземпляров моих книг «Где Бог, когда я страдаю?» и «Что пользы в Боге?» На следующий день, когда церковь Клайва позвонила в «United Airlines», чтобы заказать билеты, авиакомпания отказалась принимать плату. Они тоже хотели внести какой-то вклад в поддержку Ньютауна. Затем я разослал по электронной почте письма нескольким близким друзьям с просьбой молиться об этой самой сложной из всех задач, с которыми мне когда-либо доводилось сталкиваться.

Я приземлился в аэропорту «Ла Гуардия» 28 декабря — ровно через две недели после стрельбы в школе. Меня встретили, и после двухчасовой поездки я впервые воочию увидел Ньютаун. Телекомментаторы для описания этого района использовали слова наподобие «идиллический» и «пасторальный», и действительно его пейзажи заслуживали того, чтобы попасть на открытки. Когда мы съехали с

оживленного шоссе, извилистая дорога побежала среди фермерских домов в викторианском стиле с белыми оградами из штакетника и пастбищ с резвящимися на них лошадьми в пополах. Даже названия улиц города звучали по-сельски: «Край луга», «Холм Тодди», «Приятная гора», «Глубокий ручей».

До 2012 года у Ньютауна были только два основных повода для гордости: именно здесь была изобретена настольная игра «Эрудит», и родился десятиборец Брюс Дженнер. На холме на главной улице в центре города стоял большой флагшток, и я мог без труда представить себе, как это место выглядело на День независимости: семьи расположились для пикников в городском парке, а мимо них движется парад из пожарных машин, незатейливых карнавалных платформ и школьных оркестров. Деревня Сэнди-Хук, расположенная в пригороде Ньютауна, основана в 1711 году. Это была типичная старая Америка — образец простоты и невинности маленьких городков.

Впрочем, теперь все это осталось в прошлом. Падал снег, и серое небо с голыми деревьями создавали более соответствующий фон для Ньютауна, ставшего самым пропитанным скорбью городом Америки. На некоторых домах место рождественских венков заняли траурные. Там и тут с крыльца свисали черные ленты, а улицы патрулировали полицейские, призванные защищать скорбящие семьи от зевак и журналистов. Импровизированные мемориалы с вырезанными из дерева ангелами и плюшевыми мишками теперь были покрыты раскисшим снегом, погасившим почти все свечи, кроме нескольких, которые мерцали, шипя от влаги. Букеты завядших цветов уже успели потемнеть. Многие магазины в память

о погибших выставили самодельные вывески. «Любовь проведет нас через все», — гласила одна из них. На автомобильной эстакаде ветер трепал транспарант: «Молитесь о Ньютауне», — и такое же воззвание было вывешено возле местного магазина спиртных напитков. Общее настроение передавала надпись на одной из стен, выведенная крупными кривыми заглавными буквами: «НАШИ СЕРДЦА РАЗБИТЫ».

Один из скорбящих родителей (врач по профессии) сказал репортерам: «У нас не посттравматический стресс. Мы находимся непосредственно в состоянии травмы, и решили не принимать никаких трудных и поспешных решений, о чем бы ни шла речь. Бывают дни, когда мне хочется подняться, выйти на улицу и сходить в магазин за продуктами, а бывают такие, когда я не могу даже почистить зубы. В какие-то моменты мне кажется, что я могу быть хорошим отцом для моего [уцелевшего] сына, а в другие мне хочется только одного: не вставать с постели и спать». Другой отец сказал, что не может стереть из памяти одно воспоминание. В тот ужасный день его семилетний сын по непонятной причине встал почти на два часа раньше обычного и выбежал на улицу в пижаме и шлепанцах, чтобы обнять на прощание своего старшего брата. Затем он оделся сам и сел в школьный автобус, который отвез его навстречу смерти в «Сэнди-Хук».

В течение тех выходных я выслушивал рассказы о трагедии из первых рук: от пострадавших семей, а также от консультантов, работников служб экстренного реагирования и сотрудников школы. (Для защиты их частной жизни я не буду называть имен.) У взрослых, с которыми я беседовал, я не ощутил ни-

какой жажды мести, а только потрясение и глубокую скорбь. Никто не знал ответа на вопрос: «Почему мы?» — и, судя по всему, виновник трагедии не оставил для этого ни единой подсказки.

Уцелевшие дети справлялись с пережитым по-разному. В некоторых пылал гнев. Одна маленькая девочка постоянно рисовала человека с оружием, а затем дырявила рисунки карандашом. У других проявлялись признаки приступов паники и тревоги. Они боялись возвращаться в школу. «А я буду там в безопасности?» — так звучал мучительный вопрос, на который родители пытались ответить своим уцелевшим детям, которые слышали всю трансляцию убийств через школьные громкоговорители, пока сидели, съежившись в шкафах, в соседних классах.

В пожарной части

В утро трагедии кто-то позвонил в церковь в Уолнат-Хилл, чтобы сообщить одному из пасторов новость о стрельбе в школе «Сэнди-Хук», которую посещала его восьмилетняя дочь. Он сразу же отправился туда вместе с другим пастором, который уже оповестил консультантов, передав им просьбу приехать и поддержать тех, кто ожидал известий о судьбе своих детей. Родители собрались в пожарной части и общественном центре, расположенных в какой-то сотне метров от начальной школы, которая теперь была огорожена желтой лентой и кишела полицейскими и следователями.

Один из консультантов описал эту картину так: «Мы приехали сразу же, как только нам позвонили.

Конечно, мы постоянно слушали новости CNN о том, как разворачивались события на месте стрельбы. Некоторые слухи оказались беспочвенными. Например, брата Адама Лэнзы арестовали по ошибке. Звучали самые противоречивые версии о случившемся. Как бы там ни было, мы понимали, что многие, если не все дети, которые оставались внутри школы, мертвы. Сколько их было? Десять? Восемнадцать? Двадцать? Общее число было неясным. Но, прибыв в пожарную часть, мы поняли, что родители знают еще меньше. Их попросили не слушать новости. Я был потрясен. Об убитых детях знал весь мир, но только не их собственные родители!»

Газета «Уолл-Стрит Джорнал» описала настроение, царившее в пожарной части, как «напряженное смятение». Приезжали всевозможные чиновники, которые объясняли, что не могут разгласить информацию до тех пор, пока не будут точно опознаны жертвы. Не желая впускать родителей внутрь школы, они расспрашивали, как именно были одеты их дети. В то утро большинство мам одевали своих малышей, и власти быстро собрали необходимые им сведения.

Первыми в пожарную часть прибыли мамы и папы, оказавшиеся дома. Вскоре к ним присоединились родители, вырвавшиеся с работы, а за ними — священники, раввин и другие местные пасторы и консультанты. Некоторые семьи утешали своих старших детей, спасенных из школы, продолжая ожидать новостей об отсутствующих первоклассниках. На большом телевизоре, который кто-то оставил включенным, до сих пор мелькали кадры мультфильмов. Люди переговаривались вполголоса, обнимались, молились друг о друге и ждали... Час, два, три... Напря-

жение усиливал грузный офицер с автоматом на груди, ходивший взад и вперед по комнате.

Родители, предполагая наихудшее, все еще цеплялись за крупицу надежды. Наконец, прибыл губернатор. Выразив свои соболезнования, он заверил, что власти делают все, что в их силах, и сказал, что сообщит о детях, как только будет проведена точная идентификация. «Будьте готовы к тому, что вам придется пробыть здесь до поздней ночи», — добавил он.

Уже прошло почти четыре часа. Перебив губернатора, кто-то спросил: «Кто-нибудь выжил?» На мгновение замолчав, чиновник огляделся по сторонам и снова заговорил. Тот человек опять перебил его — на этот раз громче: *«Скажите нам правду! Кто-нибудь выжил?!»*

Остановившись, губернатор посмотрел на свою команду, словно прося о помощи, а затем сообщил новость, которую никто не хотел услышать: «Если ваши близкие до сих пор не с вами, то это значит, что их больше нет. Судя по той информации, которая у нас есть на данный момент, все дети, оставшиеся в школе, погибли».

Старший советник губернатора вспоминал: «Это была ужасная сцена. Некоторые люди рухнули на пол. Кто-то кричал». Находившиеся на улице слышали долетавшие из здания пожарной части вопли и стоны. Один из присутствующих сравнил это с однажды увиденным на Ближнем Востоке после бомбардировок, когда родственники погибших били себя в грудь, изливая скорбь. Это был момент, когда родители поняли: они уже никогда не увидят своих шести- и семилетних детей живыми.

Вера испытанная и укрепившаяся

Мне предоставили слово на двух собраниях, организованных церковью в соседнем с Ньютауном селении. Они состоялись вечером в пятницу и в субботу, и на них были приглашены все желающие. Организаторы не знали, сколько придет человек. «Жители Новой Англии не особо религиозны и, возможно, предпочтут поразмышлять на какую-то другую тему», — предупредили меня. Тем не менее, несмотря на праздничные дни и снежную бурю, из-за которой дороги обледенели и стали опасными, каждое из общественных собраний посетило по тысяче человек и еще столько же — церковное воскресное богослужение.

Перед открытием собрания оркестр играл спокойную музыку, в то время как члены церкви проходили по сцене и зажигали по одной двадцать шесть свечей в память о погибших. Каждый раз на большие экраны выводили имя жертвы. Затем слово предоставили мне. Я обвел взглядом печальные лица, зная, что среди них есть родители детей, имена которых мы только что увидели, а также коллеги погибших учителей и работники служб экстренного реагирования, помогавшие собирать тела. Ньютаун оплакивал одновременно потерю своего безмятежного прошлого и значительной части своего будущего.

«Позвольте прежде всего сказать, о чем я *не* буду говорить, — обратился я к собранию. — Я не буду говорить о контроле над оружием, об умственных расстройствах, об ошибках воспитания или о мрачных подробностях случившегося в «Сэнди-Хук». Думаю, вы уже достаточно наслушались всего этого. Я не буду давать вам много практических советов.

Честно признаюсь: я в этом не особо хорош. Меня попросили говорить на единственную тему, поэтому ограничу свое выступление вопросом: ‘Где Бог, когда я страдаю?’ »

Далее я сказал, что, размышляя над этим вопросом после событий в «Сэнди-Хук», я к своему удивлению почувствовал, что моя вера не пошатнулась, а наоборот — укрепилась. Мне хорошо известны вопросы о добром и могущественном Боге, которые мгновенно всплывают на поверхность, когда обруши-

ваются страдания, и многое из написанного мной возвращается именно вокруг них. И все же, как отметил в своем блоге богослов Мирослав Вольф на следующий день после стрельбы в Ньютауне: «Те, кто наблюдают за страданиями, чувствуют искушение отвергнуть Бога. Те же, кто проходят через страдания, зачастую не

могут отказаться от Него — в своем утешении и в своей боли». Присутствие в церкви в зимний вечер такого числа людей подтверждало его мысль.

Вольф также сказал: «Вы можете протестовать против зла в этом мире только в том случае, если верите в доброго Бога. Иначе ваш протест не имеет смысла».

Незадолго до того, как мне позвонили из Ньютауна, я прочитал рассказ епископа Дезмонда Туту о его опыте в Южной Африке. Будучи главой «Комиссии истины и примирения», он приготовился к

«Вы можете
протестовать
против зла в этом
мире только в том
случае, если верите
в доброго Бога»

тому, что его богословие подвергнется суровому испытанию — отчасти из-за того, что множество преступлений, которые он расследовал, совершили «добропорядочные христиане» (как-никак, апартеид был детищем и официальной доктриной Голландской реформаторской церкви в ЮАР). День за днем Туту выслушивал свидетельства жертв жестокого насилия. Приспешники африканеров избивали подозреваемых до полусмерти и иногда хладнокровно расстреливали их. На тех же, чья вина была доказана, эти чернокожие надевали «ожерелье»: вешали на шею облитую бензином шину, которую затем поджигали.

К своему удивлению, епископ Туту обнаружил, что два года подобных рассказов помогли ему укрепить веру. Слушания убедили его в том, что люди, совершающие преступления, несут нравственную ответственность, и что добро и зло в равной степени реальны и важны, «поскольку так уж была устроена наша вселенная: если мы не живем в согласии с ее нравственными законами, мы сполна заплатим за это». Несмотря на неумолимые свидетельства бесчеловечности, Туту уходил с заседаний «Комиссии истины и примирения» с обновленной надеждой: «Для нас, христиан, смерть и воскресение Иисуса Христа являются неопровержимым доказательством того, что любовь сильнее ненависти, жизнь сильнее смерти, свет сильнее тьмы, а смех, радость, сострадание, доброта и правда гораздо сильнее их отвратительных противоположностей». Для меня события в Сэнди-Хук послужили подтверждением выводов Туту.

Я также читал труды «новых атеистов» и биологов-эволюционистов, которые категорически отвергли бы взгляды Туту на реальность. Например, Ричард Докинз, высмеивающий религию как «вирус

ума», утверждает, что вселенная «обладает в точности теми свойствами, которые мы могли бы ожидать, если бы в ее основе не было никакого замысла, никакой цели, ни зла, ни добра — ничего, кроме слепого, беспощадного безразличия». Стивен Джей Гулд описывает человечество как «сиюминутную космическую случайность, которая никогда бы не повторилась снова, если бы дерево жизни можно было пересадить». Согласно этим и другим современным ученым, мы — не более, чем сложные организмы, запрограммированные эгоистичными генами действовать исключительно в собственных интересах.

«Разве вы пережили нечто подобное? — спросил я у тех, кто собрался в Ньютауне. В присутствии этих людей гипотезы «новых атеистов» выглядели еще более бессодержательными. — Я так не думаю. Я увидел изливание скорби, сострадания и щедрости, а не слепое, беспощадное безразличие. Со стороны работников школы, пожертвовавших своей жизнью ради спасения детей, и в сочувственном отклике общины и всей страны я увидел в действии альтруизм, а не эгоизм. Я увидел демонстрацию глубокой убежденности в том, что погибшие люди *важны*, что 14 декабря мы лишились чего-то неocenимо драгоценного».

Посреди трагедии даже сугубо светская культура признает ценность отдельных человеческих существ, что является отголоском христианской

Хотя трагедии
по праву ставят
веру под сомнение,
они ее также
и укрепляют

уверенности в том, что каждый из нас отражает Божий образ. Мне вспомнилось, что после 11 сентября 2001 года газета «Нью-Йорк Таймс» решила опубликовать некрологи в память о каждом из трех тысяч погибших в результате атаки на Всемирный торговый центр, подтверждая, что эти люди были важны, а не представляли собой некую космическую случайность во вселенной беспощадного безразличия. (Также примечательно, что после общенациональных трагедий медиа обращаются к священникам, раввинам и пасторам, в то время как атеисты хранят благоразумное молчание.)

Хотя трагедии по праву ставят веру под сомнение, они ее также и укрепляют. Безусловно, тот факт,

Заслуживает
ли этот мир —
пусть даже Бог
однажды его и
восстановит —
той боли,
которая его
наполняет?

что мы — не случайный побочный продукт безликой вселенной, а создания любящего Бога, желающего жить с нами вечно, — это хорошая новость. В Ньютауне я задал знакомый вопрос, но с незначительным изменением: «А где *нет* Бога, когда я страдаю?» Кинорежиссер Ингмар Бергман предлагает современный ответ: «Ты появляешься на свет без всякой цели, живешь без всякого смысла. Смысл жизни заключен в ней самой. Умирая, ты просто угасаешь».

Родители, потерявшие ребенка в школе «Сэнди-Хук», с которыми я встречался, испытывают к подобному выводу чувство отвращения. Они крепко держатся за надежду, что существование их сына или

дочери не завершилось 14 декабря 2012 года, но что личностный и любящий Бог исполнит Свое обещание и приготовит для нас совершенный дом.

Оборванная жизнь

И все же, проблемы, порожденные трагедиями, не исчезают легко. Сквозь века эхом звучит один вопрос: «Заслуживает ли этот мир — пусть даже Бог однажды его и восстановит — той боли, которая его наполняет?» В Японии я беседовал с женщиной, которая, выйдя первый день на новую работу, оставила двоих детей под присмотром бабушки, и теперь корила себя за это, потому что бабушка не смогла им помочь спастись от цунами. В Сараево я стоял на том самом холме, с которого снайперы намеренно целились в детей, перебегающих открытую местность, чтобы добыть воды. В Ньютауне один мальчик спросил: «С кем я теперь буду играть?»

Почему любящий Бог вообще допускает подобное? В своей авторской колонке, посвященной «Сэнди-Хук», обозреватель «Нью-Йорк Таймс» Росс Даусэт вспомнил знаменитый эпизод из романа «Братья Карамазовы», где Иван рассказывает истории о детях, которых избивали и подвергали пыткам, и делает вывод, что никак не может принять Бога, мирящегося по каким бы то ни было причинам со страданиями детей. Подобным же образом, врач в романе Альбера Камю «Чума», наблюдая за тем, как ребенок умирает от бубонной чумы, заявляет: «Я отказываюсь участвовать в таком устройстве порядка вещей, который допускает подобное».

Только страдающий Бог может ответить, заслуживает ли эта планета той цены, которая за нее заплачена. Впрочем, после бесед с семьями, потерявшими сына или дочь, у меня уже есть ключ к такому ответу. Если вы спросите их: «Вы провели вместе со своим ребенком шесть или семь лет. Стоят ли они той боли, которую вы сейчас испытываете?», — то услышите решительное «да». Как выразился поэт Альфред Теннисон после смерти своего молодого друга: «Лучше потерять того, кого любишь, чем вообще никого не любить». Быть может, Бог чувствует то же самое по отношению к падшему творению?

Семьям в Ньютауне я посоветовал прочитать небольшую книгу священника Епископальной церкви Джона Клэйпула, которая принесла утешение многим родителям, потерявшим ребенка. Причину открывает уже само ее название: «Пути собрата по страданиям». В этой книге Клэйпул говорит не как пастор, предлагающий избитые клише, а как отец, в муках зывающий к Богу, Который, кажется, не предлагает никакого утешения. Полтора года он искал решение для исцеления своей восьмилетней дочери от лейкемии. Клэйпул обращался к лучшим врачам; девочку помазывали елеем знаменитые евангелисты с даром исцеления; о ней усердно молились прихожане и друзья Клэйпула. А потом она умерла.

Эмоциональное облегчение приходит к нему только после серьезной борьбы, когда Джон отказывается от всего, чего ему теперь будет так не хватать: церемонии выпуска дочери из колледжа; ее свадьбы, когда он провел бы ее к алтарю; рождения внуков... — и принимает ее жизнь, как дар. Пусть эта жизнь была жестоко оборвана, но от этого она не перестала быть великим даром.

И я здесь для того, чтобы засвидетельствовать: это — единственный способ спуститься с Горы Утраты. Я не хочу сказать, что подобный взгляд делает путь легким. Вовсе нет. Но, по крайней мере, он становится терпимым, когда я вспоминаю о том, что Лора Лью была подарком — чистым и простым, который я не заработал, не заслужил, и не имел права получить. И, когда я вспоминаю, что надлежащая реакция на подарок, даже если его потом отобрали, — это благодарность, я в большей степени оказываюсь способным прилагать усилия и благодарить Бога за то, что Он вообще подарил мне Лору.

Хотя мне очень, очень трудно, сейчас я изо всех сил стараюсь изучать эту дисциплину. Куда ни глянь, меня повсюду окружают напоминания о дочери: то, что мы делали вместе; то, что она говорила; то, что она любила. И в присутствии этих напоминаний у меня есть две альтернативы: заиклившись на факте, что ее со мной больше нет, я могу увянуть от сожаления о том, что навсегда утеряно; или же, сосредоточившись на чуде, что Лора вообще была нам дана, я могу научиться быть благодарным за то, что разделил с ней жизнь — пусть и на каких-то коротких десять лет.

Скорбь — это точка, в которой любовь и боль сходятся вместе

В завершение Клэйпул просит свою общину, друзей и читателей напоминать ему о том, что жизнь — это дар, вплоть до ее последней частицы, а правильной реакцией на любой подарок является благодарность. К подаркам мы относимся не так, как к своему имуществу. Как мне напомнил знакомый врач, каждая жизнь — это кредит, который однажды вернется к Кредитору.

Перед самым отъездом в Ньютаун я получил по электронной почте письмо от друга из Атланты, посетившего богослужение, которое состоялось 21 декабря в день зимнего солнцестояния, самой долгой ночью в году. Служение было посвящено жизненным утратам; его участники называли имена умерших и перечисляли разрушенные взаимоотношения. Мой друг упомянул в письме следующие слова богослова Дитриха Бонхёффера, которые, по его признанию, открыли ему новый взгляд на смерть тех, кого ему всегда будет не хватать. «Ничто не сможет восполнить отсутствие близкого нам человека, и было бы неправильно пытаться найти ему замену. Мы должны просто выдержать эту потерю и идти до конца. Поначалу кажется, что это очень сложно, но, одновременно, в этом заключается и великое утешение. Пустота остается незаполненной, сохраняя узы между нами. Абсурдно говорить, что Бог заполняет пустоту. Бог не делает этого. Наоборот, Он сохраняет пустоту, тем самым помогая нам сохранять нашу былую близость друг с другом, пусть даже и ценой боли».

Скорбь — это точка, в которой любовь и боль сходятся вместе.

Две универсалии

В книге «Плач по сыну» Николас Уолтерсторфф отмечает, что, хотя на протяжении истории люди и научились решать многие проблемы, «по-прежнему актуальны две вещи, с которыми мы должны справляться: зло в наших сердцах и смерть». Зло и смерть представляют собой универсальные проблемы, неподвластные никакому человеческому решению, и одним ужасным утром Ньютаун в штате Коннектикут лицом к лицу столкнулся с обеими.

Начиная с многолетних конфликтов, напоподобие осады Сараево, и заканчивая ужасами длиной в несколько минут, подобными бойне в школе «Сэнди-Хук» или взрыву бомб на Бостонском марафоне, реальность человеческого зла постоянно посягает на человеческий оптимизм. За последние годы мой родной штат Колорадо стал свидетелем двух нашумевших преступлений: массовых расстрелов в школе «Колумбайн» и в кинотеатре города Аврора. Поведение убийц никто не мог списать на бедность или недостаток образованности, поскольку они были выходцами из привилегированных семей. Адам Лэнза, совершивший злодеяние в школе «Сэнди-Хук», жил в красивом доме в престижном районе, а его мать получала в месяц почти 25 тысяч долларов алиментов. Лэнза в школе был неплохим учеником, а парень, устроивший стрельбу в Авроре, — студентом-отличником магистратуры факультета нейробиологии. Что же с ними случилось? Как возможно, чтобы юноша методично убивал своих одноклассников, или незнакомцев в кинотеатре, или, что вообще не укладывается в голове, расстреливал — в упор! — паникующих первоклашек?

После каждой подобной трагедии пресса начинает искать виноватых. Свободный доступ к оружию (особенно — штурмового типа) играет определенную роль, и каждая новая бойня порождает очередной всплеск дебатов и законодательных инициатив. Тем не менее, другие страны, в которых также существует свободное обращение оружия (например, Швейцария и Канада), не сталкиваются с подобными массовыми расстрелами. Тогда, может, возложить вину на халатность в отношении к душевному здоровью? Убийцы в «Колумбайн», Политехническом университете Виргинии, Авроре и Ньютауне подавали тревожные сигналы, на которые следовало бы обратить внимание.

Другие указывают пальцем на видеоигры и неизменно насыщенную насилием и пытками продукцию Голливуда. Кто-то упрекает медиа за то, что те уделяют убийцам слишком много внимания. Например, Адам Лэнза вел электронную таблицу, куда заносил данные о массовых убийствах с применением огнестрельного оружия. Некоторые обвиняют судей, запретивших в общественных школах молитву и разговоры о Боге.

Однако лишь совсем немногие называют подобные деяния злом, чем они, безусловно, и являются. Одно из таких исключений — Чарльз Шапью, архиепископ Денвера. После трагедии в школе «Колумбайн» он сказал: «Сегодня насилие заполонило общество: наши дома, школы, улицы, машины, в которых мы возвращаемся домой с работы; наши медиа; ритмы и тексты нашей музыки; наши романы, фильмы и видеоигры. Оно настолько распространилось, что мы, в основном, перестали осознавать его присутствие».

В ответ же на бойню в школе «Сэнди-Хук» Шапью (теперь уже архиепископ Филадельфии) писал:

Бог добр, но мы, человеческие существа, свободны, и, пользуясь этой свободой, помогаем формировать характер нашего мира теми решениями, которые мы принимаем. Каждая жизнь, потерянная в Коннектикуте, была уникальной, драгоценной и незаменимой, но зло было самым обычным; тем, которым избилует каждое поколение людей. Почему Бог допускает войны? Почему Он допускает голод? Мы не являемся неизбежным продуктом истории, или экономики, или любого другого уравнения, предлагаемого детерминистами. Мы — свободны и, как следствие, ответственны и за красоту, и за страдания, которые помогаем творить. Почему Бог допускает порочность? Он делает это потому, что мы — или другие, такие же, как мы — выбираем ее. Единственное эффективное противоядие от окружающей нас порочности — это начать жить по-новому, с этого момента и навсегда.

Наша свобода в совершении зла, по сути, стала ключевой претензией Ивана Карамазова к Богу. Не будучи атеистом, он верит, по крайней мере, в вероятность существования благого и могущественного Бога. Иван даже допускает, что однажды Бог действительно отрет всякую слезу и положит конец несправедливостям этого мира, но все же продолжает отвергать такую схему ввиду чрезмерно высокой цены. На его взгляд, Бог был слишком опрометчив с человеческой свободой. В романе «Братья Карамазовы» Иван напоминает о ряде гнусных преступлений: о том, как вырезали нерожденного младенца из

чрева его матери; как спустили свору гончих на восьмилетнего ребенка крепостных крестьян; о выстреле из пистолета в лицо малыша — все эти случаи автор, Достоевский, почерпнул из реальных событий своего времени. Если бы он создавал произведения сегодня, то, наверное, мог бы включить в этот список картину расстрела детей в классе во время урока.

«Скажи мне сам прямо, я зову тебя — отвечай, — бросает вызов Иван своему брату Алеше. — Представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей,

Решив не подавлять
человеческую свободу,

Бог вместо этого
присоединился к нам
посреди зла и стал
одной из его жертв

дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище... Согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях? Скажи и не лги!»

Алеша тихо отвечает: «Нет».

Агностик Иван может распознать зло и неспособность любой человеческой системы справиться с ним, но он не в состоянии предложить никакого решения. Набожный Алеша не пытается опровергнуть слова брата, но у него есть решение для человечества. «Мне неведом ответ на проблему зла, — как бы говорит Алеша, — но мне ведома любовь». Роман сразу же переходит к центральной истории, «Великому инквизитору», в которой Самому Иисусу вменяют в преступление — кстати, именно представители

церкви — то, что Он предоставил людям слишком много свободы.

Достоевский представляет проблему зла так же, как это делает Библия, предлагая не философские доказательства, а историю — правдивый рассказ об *Эммануиле*. Решив не подавлять человеческую свободу, Бог вместо этого присоединился к нам посреди зла и стал одной из его жертв. Иисус не устранил зло, но явил людям Бога, Который готов, уплатив огромную цену, простить его и восстановить причиненный им ущерб.

Обращаясь к собранию в Ньютауне через три дня после Рождества, я прочитал парафраз вступления к Евангелию от Иоанна из перевода «The Message»: «Слово стало плотью и кровью и перебралось жить к нам по соседству». «Что это за место, куда перебрался Иисус? — спросил я в который раз. — Туда, где живописные особняки викторианского стиля стоят в окружении безупречных лужаек, словно сошедшие с открыток? О, нет... Это было место, о котором Матфей сказал нам в напоминание: «Глас в Раме слышен, плач и рыдание и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет».

История Рождества включает в себя сцену, во многом напоминавшую то, что я увидел в Ньютауне. В таком городке, как Вифлеем, предполагают исследователи, вероятно, насчитывалось около двадцати — *двадцати!* — детей в возрасте до двух лет, которые были убиты по приказу Ирода. В конечном итоге Бог, Который «так возлюбил мир, что отдал Сына Своего единородного», тоже потерял ребенка. Богу что-то известно о скорби, которую испытывает Ньютаун, как и любое другое место на карте планеты, пропи-

танной злом и смертью. На самом деле, Ньютаун стар, как мир.

Трудные вопросы

Как это ни прискорбно, сообщество людей, переживших трагедию, — этот клуб, в который никому не хочется вступать, — постоянно растет. Во время моего визита в Политехнический университет Виргинии после случившейся там бойни меня сопровождала одна из выживших учениц школы «Колумбайн», ставшая в результате инвалидом. Студенты внимательно слушали ее советы, поскольку она на личном опыте знала, что они чувствуют, и чего им ожидать дальше. После трагедии в Сэнди-Хук газета «Денвер Пост» обратилась к семьям, непосредственно пострадавшим из-за стрельбы в школе «Колумбайн» тринадцатью годами ранее. Какой совет они могли бы предложить скорбящим семьям Ньютауна? Их слова, которыми я поделился с этой общиной, применимы не только к массовым расстрелам, но к любым трагедиям.

Один студент признался: «Первое, что я мог бы сказать: есть множество людей, которые точно знают, что вы чувствуете. И, в то же время, нет никого, кто понимал бы до конца, через что вы проходите... Случившееся с вами не похоже ни на что, происходившее с кем-то другим, включая и нас, переживших бойню в 'Колумбайн'».

«Даже не знаю, что сказать, — отметил отец девочки, убитой в 'Колумбайн'. — Я понял, что иногда людям было бы лучше молчать, ибо ваша боль настолько глубока, что вам не хочется ничего слышать. Единственное, что могло бы вас заинтересовать —

это как вернуть вашего ребенка к жизни». Затем он добавил: «Но если уж меня спросили, то скажу вот что. Знайте, со временем боль утихает. Хотя вы никогда не сможете забыть о своей потере и свыкнуться с ней, со временем вы сможете двигаться дальше. Сейчас вам это кажется чем-то очень далеким, но однажды вы снова ощутите радость».

Следующие советы, предложенные выжившими, звучат банально, но тем, кто пребывает в глубокой скорби, ничто не дается легко. Не сдерживайте скорбь. Взывайте о помощи, когда вы в ней нуждаетесь. Принимайте как должное бестактные высказывания некоторых людей. Не закрывайтесь от своих супругов или близких. Не забывайте заботиться о себе. Дышите полной грудью.

Самый трудный момент в Ньютауне настал для меня после того, как, завершив свое обращение, я сел в кресло возле одного из пасторов — и посыпались вопросы из аудитории. «Что нам сказать тем, кто потерял близкого человека?» — спросил один из присутствующих. «Как мне быть светом для общины, когда я испытываю такую боль и настолько опустошен?» — спросил другой. Я старался изо всех сил, отвечая на эти и другие вопросы, а когда не знал, что сказать, переадресовывал их пастору.

«Чего нам ожидать в ближайшие годы? — несколько человек задали, хоть и по-разному, один и тот же вопрос. — Как уберечь имя 'Ньютаун' от того, чтобы на нем навеки осталось темное пятно?»

Мне вспомнилась история шотландского городка Данблейн, где в 1996 году произошла стрельба в школе, в ходе которой погибли шестнадцать учеников и их учитель. Среди детей, спрятавшихся под партами, был восьмилетний Энди Мюррей, который стал

одним из лучших в мире теннисистов. Как рассказала его бабушка в интервью одному из спортивных телеканалов: «Думаю, где-то глубоко внутри него жило желание сделать что-то, что принесло бы Данблейну добрую, а не печальную славу». Он достиг этой цели после лондонских Олимпийских игр 2012 года, когда предпочел отпраздновать свою золотую медаль на частном торжестве не в Лондоне вместе с другими чемпионами, а в крошечном городке Данблейн.

Позже, по возвращении домой из Ньютауна, я натолкнулся на воспоминания Джона Дрейна — пастора, жившего неподалеку от Данблейна в то время, когда там были расстреляны школьники.

Однажды, приблизившись к воротам школьного двора, которые превратились в место безмолвия, я увидел группу молодежи в возрасте от семнадцати до двадцати лет. Они выставили в круг на мокрый асфальт шестнадцать свечей — по одной на каждого погибшего ребенка — и зажгли их сигаретой.. Увидев меня, они поняли, что я — пастор, и подозвали меня со словами: «Вы знаете, что говорить в таких случаях». Но я стоял, не зная, что сказать, и по моим щекам струились слезы. Мы постояли так минуту, взявшись за руки, после чего я произнес короткую молитву. Затем подростки тоже начали молиться. Один из них сказал: «Мне нужно стать другим!» Он взглянул на группу полицейских и достал из кармана нож. Затем, склонившись на колени возле свечей, парень сказал: «Думаю, он мне больше не понадобится», — и спрятал нож под цветами.

Другой извлек из кармана кусок велосипедной цепи и поступил по примеру товарища. Еще немного постояв вместе, мы отправились каждый своей дорогой.

Присутствовал ли Бог в Данблейне? Конечно, Он там был.

История Дрейна подчеркивает справедливость сказанного Чарльзом Шапью после случившегося в Сэнди-Хук: «Единственное эффективное противоядие от окружающей нас порочности — это начать жить по-новому, с этого момента и навсегда». Из-за волны недавних трагедий вся нация подвергла себя самоанализу, пытаюсь понять, что должно измениться в нашем обществе.

В мой последний вечер в Ньютауне из зала прозвучал еще один, заключительный вопрос, и он был из тех, которые я хотел услышать меньше всего: «Защитит ли Бог моего ребенка?»

Я выдержал паузу, которая, казалось, тянулась несколько минут. Больше всего на свете мне хотелось с уверенностью ответить: «Да! Разумеется, Бог защитит вас. Позвольте прочесть вам некоторые обетования из Библии». Но я осознавал, что позади меня на этой же сцене мерцают двадцать шесть свечей в память о погибших, доказывая, что мы не имеем иммунитета от влияния нашей сломленной планеты. Я унесся мыслями в Японию, где выслушивал родителей, дети которых погибли в школе во время цунами, а затем — в утро того же дня, когда говорил с папами и мамами, чьи дети были расстреляны в начальной школе.

Наконец, я произнес: «Мне очень жаль, но нет. Я не могу этого обещать». Никто из нас не является

исключением. Все мы умрем: кто-то — в старости, а кто-то — трагически молодым. Да, Бог предоставляет поддержку и солидарность, но не защиту — по крайней мере, не ту, которую мы отчаянно желаем. На этой проклятой планете даже Бог пережил потерю Сына.

Смерть, не тщеславься

В кинофильме «Царство теней», который рассказывает о жизни Клайва Льюиса, его жена, Джой Дэвидман, наслаждается коротким периодом ремиссии в мучительной схватке с раком. Они отправляются вдвоем в романтическое путешествие в Грецию, что стало для них интерлюдией чистой благодати. Зная, что ожидает ее впереди, когда рак опять обострится, Джой говорит: «Мои будущие страдания — это частица сегодняшнего счастья. Таков закон».

Вскоре после этого Джой умирает, и в одном из заключительных эпизодов Клайв Льюис пытается утешить ее юного сына, который остался без мамы. Льюис ухватился за веру в небеса, как тонущий человек хватается за спасательный круг или, скорее, как голодающий мечтает о еде. Он немного перефразирует слова Джой: «Нынешние страдания — это частица будущего счастья. Таков закон».

Вера апостола Павла, которому также были отнюдь не чужды страдания, утверждалась на потребности в Божьем исцелении и восстановлении этого мира — единственном решении, способном принести справедливость на опасно перекошенную планету. Жизненная история Павла включала в себя многократ-

ные избиения, тюрьмы, кораблекрушение и укусы змей, и все же он перенес все это с радостью, в надежде на будущее состояние: «Страдания наши легки и мимолетны, [!] а приносят они нам огромную, полновесную, вечную славу, которая многократно перевешивает страдания». Не ограничиваясь этим, апостол прямо заявляет, что без воскресения мертвых его проповедь и вера бесполезны. «Если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков», — провозглашает он с нотками грусти в голосе.

Я прочитал общине Ньютауна стихи немецкого поэта Фридриха Рюккерта. После того, как из-за скарлатины он лишился двоих детей, Рюккерт в приступе скорби сочинил 428 стихотворений. Пять из них композитор Густав Малер положил на музыку, объединив в цикл под названием «Песни об умерших детях». «В лучах веселых тает мгла, как будто не горе ночь принесла», — начинается одна из них. Как смеет солнце прорываться сквозь мрачный туман отчаяния?!

Последняя из песен Малера, невольно напоминающая о школе «Сэнди-Хук», завершается той же надеждой, которая принесла утешение скорбящей матери.

Когда так грозно грохочет гром,
Я спрятал бы деток, укрыл бы их в дом.
Но вот их лишили крова, —
И я не вымолвил слова!..

Какая буря, гроза и град!
Дети, вернитесь, вернитесь назад!
Не то вас возьмет могила!
Но смерть тревогу убила.

Когда так грозно грохочет гром,
 Я спрятал бы деток, укрыл бы их в дом.
 И вот, их лишили крова, —
 И я не вымолвил слова!

В такую бурю, грозу и град
 Они как дома спокойно спят:
 От всяких бурь укрыты,
 Рукой Творца прикрыты.

Я рос среди христиан, уделявших слишком много внимания загробной жизни, словно земное существование было лишь неким предсмертным состоянием, которое мы должны пройти на пути в Чудный Край. К счастью, такие богословы, как Юрген Мольтманн и Николас Райт помогли мне исправить этот дисбаланс, акцентировав внимание на взаимосвязи между нашим нынешним и будущим состоянием. Впрочем, я также понял, — особенно, когда попал в аварию и лицом к лицу столкнулся со смертью, — что не имею права крениться и в другую сторону, сосредоточиваясь только на земной жизни. Я нуждаюсь в напоминаниях о Божьем обещании раз и навсегда исцелить творение от врагов-близнецов — зла и смерти. В противном случае, какая надежда остается у каждого из нас?

Иов посреди своего бедствия понимал все правильно, поскольку размышлял о вероятности смерти: «Если бы я и ожидать стал, то преисподняя — дом мой; во тьме постелю я постель мою; гробу скажу: ‘Ты отец мой’, — червью: ‘Ты мать моя и сестра моя’. Где же после этого надежда моя? И ожидаемое мною кто увидит?»

Работая над рукописью «Где Бог, когда я страдаю?», в конце Книги Иова я заметил одну деталь, на

которую раньше никогда не обращал внимания. Автор указывает, что после того, как Иов прошел свой период испытаний, Бог дал ему ровно в два раза больше всего, чем он потерял: 14000 овец вместо 7000; 6000 верблюдов вместо 3000; 1000 волов и ослов вместо 500. Однако было одно исключение. Иов потерял семерых сыновей и троих дочерей, и в процессе восстановления у него родились семеро сыновей и три дочери — столько же, сколько и было раньше, а не вдвое больше. Человеку нельзя найти замену, как овцам или волам. Даже эта древняя история, написанная задолго до откровения о небесах и вечной жизни, содержит указания на грядущее воскресение мертвых. Однажды Иов получит двойное воздаяние, воссоединившись со своими первыми десятью детьми и познакомив их с теми десятью, которые родились позже.

Во время путешествия по японскому региону, опустошенному цунами, я посетил одну среднюю школу, в которой погибли больше ста детей. Подняв передо мной свой iPad, мой издатель включил видеоролик с YouTube, снятый одним из этих школьников: стена воды, обрушивающаяся на место, где мы стояли в тот момент. Стены классов на втором этаже отчетливо показывали уровень, до которого поднялась вода. Многие дети погибли на лестнице, когда пытались вскарабкаться на верхний этаж. Год спустя, японские матери по-прежнему ежедневно посещали эту школу, потому что весь мусор, смытый обратно на пляжи, — вплоть до мельчайших обломков — был ак-

Те, кого мы любим,
продолжают жить в
наших воспоминаниях

куратно рассортирован по коробкам, которыми заполнили школьный спортзал. Мамы перебирали вещи — коробка за коробкой — в поисках какой-нибудь мелочи, напоминавшей об их ребенке: коробки для завтрака; чернильной ручки; фотографии; похвальной грамоты; школьной стенгазеты; мягкой игрушки.

Те, кого мы любим, продолжают жить в наших воспоминаниях. Теперь на каждом Бостонском марафоне будут воздавать должное памяти погибших и раненных в 2013 году. Мемориал Всемирного торгового центра показывает имя каждой жертвы. Некоторые родители из Ньютауна сохраняют комнату их ребенка в том виде, какой она была в 2012 году, и все сберегут фрагменты воспоминаний: фотографии, видеозаписи, любимые игрушки. Мы уповаем на то, что Всевышний Бог силен сделать гораздо больше: не просто оживить в памяти, но воскресить, возродить к новой жизни тех самых Эмили, Дону, Даниэля, Шарлоту, Джозефа, Кэтрин, Джека, Дилана, Лорен и всех остальных.

На Рождество мы поем гимн «О, малый город Вифлеем», в котором есть такие строки: «На темных улицах твоих Свет вечный воссиял; надежд и страхов лет былых ты местом встречи стал». Хотя зло и смерть все еще царствуют на этой замаранной, погрязшей в насилии планете, событие, о котором вспоминал весь мир вскоре после бойни в «Сэнди-Хук», олицетворяет нашу самую лучшую, истинную надежду. Иисус вошел в этот мир во времена безысходности и бедствий, чтобы показать нам путь к полной противоположности. Последняя книга Библии четко показывает, как это будет выглядеть: «И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло... Се, творю все новое».

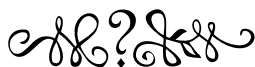
После воскресения Христа, когда Евангелие распространилось по всей Римской империи, первые христиане, конечно же, продолжали умирать, как и все на этой падшей планете. Со временем, однако, смерть была укрощена, лишившись своего жала. Умерших уже хоронили не в языческих мавзолеях и не на окраинах деревень, а на кладбищах в тенистых церковных дворах, которые буквально называли «местом сна».* Эта перемена была далеко не просто символической, поскольку отражала глубокую веру в обетование телесного воскресения.

Джон Донн, настоятель собора Святого Павла в Лондоне, похоронил сотни людей в наихудшие годы эпидемии бубонной чумы XVII века. Решив, что и сам заразился смертельной болезнью, он написал следующее дерзкое заявление:

Смерть, не тщеславься: се людская ложь,
Что, мол, твоя неодолима сила...

Всех нас от сна пробудят навсегда,
И ты, о смерть, сама умрешь тогда.

Смерть самой смерти — вот то послание, которое необходимо еще раз услышать Ньютауну и всему миру.

---

* Английское cemetery (кладбище) происходит от греческого слова, буквально означающего «положить спать». — *Прим. ред.*

ЧАСТЬ 5

ТРИ ВЕЛИЧАЙШИХ ИСПЫТАНИЯ

У Сёрена Кьеркегора есть притча о человеке, написавшем книгу о заслуживающем доверия, любящем Боге, Который следит за тем, чтобы все содействовало ко благу. Затем с ним случилась какая-то личная беда, поставившая под вопрос все его убеждения. Где этот любящий Бог в такое время? Озадаченный писатель обращается за помощью к проповеднику, с которым он не знаком, и изливает ему свою историю. Выслушав этого человека, проповедник понимает, что сам он не может предложить удовлетворительные ответы, и советует ему прочитать одну замечательную книгу о Божьей любви. Но писатель отвечает: «Я и есть ее автор».

Работая над этой книгой, я чувствую себя отчасти как писатель из притчи Кьеркегора. Много лет назад, будучи молодым автором и формирующимся христианином, я изложил на бумаге результаты своего исследования вопроса: «Где Бог, когда я страдаю?» И теперь люди обращаются ко мне в поисках ответов и спрашивают мое мнение о сложных проблемах, которые раз за разом встают после трагических событий. Тем не менее, этот вопрос всегда остается открытым — и не только для меня, но для

каждого человека. Живя в темноте, мы продолжаем пробираться к свету наощупь.

Я снова столкнулся с данным вопросом в трех ключевых событиях 2012 года, на трех разных континентах, а череда новых трагедий 2013 года лишь сделала его еще более актуальным. Представленные здесь размышления ни в коем случае не «решают» проблему боли и даже вскользь не затрагивают другие проблемы, с которыми сталкиваются страждущие. И все же я твердо стою на том убеждении, что именно на этот вопрос — «Где Бог?» — Библия все-таки проливает свет.

Первый ответ опирается на событие, которое мы отмечаем на Рождество — праздник, омраченный в 2013 году трагедией в тихом Сэнди-Хук. Благодаря Иисусу, Которого

Оглядываясь назад
на тот день на
Голгофе, можно
увидеть принцип:
Бог обращает
явное поражение
в решительную
победу

Новый Завет описывает как «образ Бога невидимого», я могу с уверенностью сказать, что *Бог на стороне страждущих*. Даже в Японии, где лишь единицы верят в Бога? Даже в Сараево, где религия лежит в корне военного конфликта? Да! Мне достаточно лишь взглянуть на то, как Иисус

реагировал на самарян (в те дни их считали еретиками) или на язычников-римлян, у которых заболели родственники.

Несколько лет назад я брал интервью у Дейм Сисели Сондерс — основательницы современного движения хосписов, которая, как никто другой, по-

способствовала возрождению средневековой идеи «хорошей смерти». За один день она видела больше страданий, чем большинство из нас — за всю жизнь. Я задал Дейм Сисели вопрос: «Где Бог?» — и вот ее ответ: «Вместо того, чтобы предотвращать беды, случающиеся в этом свободном и опасном мире, Бог разделяет их со всеми нами». Благодаря тому, что в лице Иисуса Бог разделил с нами наши страдания, мы, Его последователи, получили возможность их *преобразовать* — извлечь доброе из того, что поначалу кажется безнадежно плохим.

Разочарованным ученикам, наблюдающим за тем, как римские солдаты прибывают Сына к кресту, Бог Отец, наверное, казался бессильным и равнодушным. Даже Иисус остро ощутил Себя покинутым. Я слышал, как люди описывали такие же чувства замешательства, предательства и беспомощности в Сараево и в Ньютауне. Неужели Богу все равно? Как Он может допускать подобное? Оглядываясь назад на тот день на Голгофе, можно увидеть принцип: Бог обращает явное поражение в решительную победу. Он не попрал человеческую свободу и даже не предотвратил зло. Вместо этого чьи-то замыслы, нацеленные на зло, Бог использовал во благо.

Мой второй ответ отражает то, что я наблюдал в поездках по местам трагедий. Где Бог, когда я страдаю? *Сегодня Бог в Церкви* — Его полномочном присутствии на земле. Наш вопрос можно было бы даже перефразировать так: «Где Церковь, когда я страдаю?» В Японии я встречал рабочих, которые проехали полмира, чтобы восстановить разрушенные цунами дома. В Сараево я жил в монастыре францисканцев, которые остались, чтобы служить беднякам и содействовать миру, что они и делали долгое время

после того, как большинство других христиан бежали из города. В Ньютауне церковь из Уолнат-Хилла основала резервный фонд для покрытия будущих нужд, наподобие долгосрочного консультирования для детей, переживших трагедию. «Мы не собираемся сворачиваться, — объяснил мне пастор Клайв Калвер. — Наша церковь настроена на долгий труд».

Время не исцелит все раны. Их не исцелит даже Бог — по крайней мере, в этой жизни. Тем временем, у нас, Церкви, есть работа. Некоторые из нас имеют особые дары: консультирование, медицинская помощь, строительство, другие виды практической помощи. Всем нам доступна сила любви. Страдания обособляют, искажают самовосприятие, убивают надежду, но любящее участие может преодолеть каждую из этих трех бед. Как писала в газете «Нью-Йорк Таймс» Морин Дауд после событий в Сэнди-Хук:

Я не ожидаю, что утешение придет откуда-то издалека. Я в самом деле верю, что Бог действует в этом мире через нас. И хотя у меня все еще есть вопросы «почему?», они уже не настолько обращены к Богу. Мы — смертные люди. Мы будем страдать и умрем, но от нашего отношения друг к другу в этих страданиях и смерти зависит, ощутим ли мы Божье присутствие и обретем ли утешение... Я точно знаю, что безусловное любящее участие исцеляет разбитые сердца, перевязывает раны и возрождает в нас жизнь.

Если Церковь делает то, что должна, то люди не терзаются вопросами о том, где Бог. Они знают

ответ. Бог становится видимым через людей, своей жизнью исполняющих миссию, которую так хорошо сформулировал Павел: «Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения, утешающий нас во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих».

Последний ответ на наш вопрос упирается в Божье обещание будущего восстановления. *Бог готовит для нас новый дом*. «Я иду приготовить место вам», — сказал Иисус ученикам, подготавливая их к той глубокой душевной боли, которую им вскоре предстояло испытать. Он не открыл нам много подробностей, и лично я этому рад. Никогда не мог вообразить или хотя бы отдаленно представить, как будет выглядеть это будущее состояние. Оно тоже неподвластно нашему осмыслению. Вместо этого, Иисус попросил нас довериться Ему. Если же Он заблуждался в отношении нашего будущего жилища, то мы, Его обманутые последователи, достойны самой большой жалости среди всех живущих, и слова протеста, высказанные Иовом, псалмопевцами и пророками, будут эхом отдавать в бессмысленной вселенной целую вечность.

Один из телекомментаторов выразил обеспокоенность тем, что Ньютаун навсегда «испортил» Рождество, как трагедии в Политехе Виргинии и школе «Колумбайн» испортили Пасху. Может, он и прав, но только в том случае, если вы отмечаете эти дни как обычные праздники, а не реальные события, возвещающие о Божьем плане избавления для падшей планеты. Впрочем, у меня есть предчувствие, что родители из Ньютауна, для которых Рождество отныне

и до конца дней будет периодом глубокой печали, начнут все больше обращать взоры на Пасху.

Опять-таки, модель страданий нам предоставляет Страстная неделя. В Великую пятницу Иисус принял на Себя худшее, что могла предложить Земля. Древние враги — зло и смерть — сошлись вместе, совершив акт величайшей несправедливости. Но затем пасхальное воскресенье дало нам надежное и несомненное знамение обратного, продемонстрировав, — ничто не может противостать исцеляющей силе любящего Бога. Грандиозность случившегося, — более того, *реальность* случившегося, — ученики Иисуса осознали лишь со временем, благодаря небольшим, дружеским жестам: прогулке вместе с ними по дороге; преломлению хлеба; приготовлению рыбы на костре... Хотя поначалу воскресение Иисуса из мертвых не внесло в их повседневную жизнь особых перемен, оно открыло им совершенно новый взгляд на мир, утвердив их в надежде на то, что однажды все изменится. Вскоре эти обновленные люди взбудоражили улицы, провозглашая поразительно добрую весть — настолько хорошую, что она просто не может быть обманом.

Сегодня, две тысячи лет спустя, мы словно живем в период Великой субботы — промежуточного дня. Мы оглядываемся на Страстную пятницу с ее четким подтверждением того, что не существует страданий, которые не могут обернуться благом, и смотрим вперед с пока несбывшимся желанием увидеть обновленное творение. У нас, подвешенных в ожидании, нет лекарства от страданий, но есть возможность использовать их, согласно модели, открывающей их смысл. Как сказал Терри Уэйт после освобождения из четырехлетнего плена, который он провел заложником в

Ливане: «Находясь в плену, я был полон решимости — как полон ею и сейчас — превратить этот свой опыт во что-то полезное и благотворное для других людей. Думаю, это — самый лучший подход к страданиям. На мой взгляд, христианство ни в коей мере не приуменьшает страдания. Оно дает вам способность принять их, не растеряться перед ними, преодолеть их и, в конце концов, преобразить их».

Только Бог может предложить решение для проблемы страданий, с которыми я настолько плотно столкнулся в Японии, Сараево и Ньютауне. Поэт Джордж Герберт тосковал о том дне, «когда воочию увидим мы Твою любовь! Когда избавишь нас от боли Ты». Но до того момента мы крепко держимся за обещание, что Бог всякого утешения не покинул нас, и продолжает медленную, но уверенную работу по восстановлению всего, что было испорчено злом и смертью.

Сразу же после бойни в «Сэнди-Хук» один из моих друзей прислал мне цитату Дитриха Бонхёффера. Мой товарищ по колледжу, немец, с которым мы жили в одной комнате в общежитии, написал: «Я нашел это в конце нашего церковного сборника гимнов. Сделал перевод, который и высылаю тебе. Эти слова очень уместны в такой день». Бонхёффер, будучи пастором и богословом, попал в концлагерь за противление нацистскому режиму.

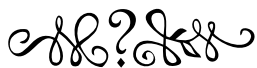
Я верю, что Бог может и будет извлекать доброе из всего — даже из наихудшего зла. Для этого Ему нужны люди, через которых все происходящее, в соответствии с этим принципом, будет обращено ко благу.

Я верю, что Бог в любой чрезвычайной ситуации даст нам столько сил для сопротивления, сколько потребуется. Но Он не даст их заранее, чтобы мы полагались не на себя, а лишь на Него. Благодаря такой вере, должно быть побеждено всякое беспокойство о будущем.

Я верю, что даже наши ошибки и неудачи не были напрасными, и что для Бога справиться с ними не труднее, чем с теми делами, которые мы считаем хорошими.

Я верю, что Бог — это не какая-то предвечная судьба, но Тот, Кто ожидает искренних молитв и ответственных поступков, — и отвечает на них.

Бонхёффер составил этот символ веры незадолго до того, как был казнен гестаповцами, что случилось за двадцать три дня до капитуляции Германии. Он называл смерть величайшим праздником на пути к свободе. Если Бонхёффер ошибался, то все потеряно. Если же он прав, то все только начинается.

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга родилась из вопросов, поднятых во время посещения трех мест трагедий в 2012 году. Вскоре первые месяцы 2013 года принесли новую череду бедствий: взрыв бомб на Бостонском марафоне; авария на заводе по производству удобрений в Техасе; землетрясение в Китае; обрушение здания в Бангладеш; смертоносные торнадо в Оклахоме. Вопрос о том, почему такое происходит, и какое отношение ко всему этому имеет Бог, неизменно актуален. Как доказательство этому, когда бы я ни затрагивал данную тему на своем веб-сайте или в Facebook, в дискуссию включаются тысячи новых читателей.

Больше всего я благодарен людям в Японии, Сараево и Ньютауне, штат Коннектикут, открывшим мне свою глубокую боль в надежде, что их опыт поможет принести утешение другим, проходящим такой же путь.

Мои друзья и коллеги из «Криэйтив Траст Медиа» провели большую работу, чтобы эта книга увидела свет. Я особенно признателен Кэтрин Хелмерс и Денизе Джордж, которые управляли процессом подготовки издания, а также Мелиссе Николсон, Лоре Кэнби и Джонни Барт, помогавшим с организацией исследований и разработки дизайна.

Перед вами мои размышления над вопросами, древними, как само человечество, и актуальными, как новостной сайт в Интернете.

ПЕРВОИСТОЧНИКИ

Часть 2. «Я хочу знать: почему!»

- 29 *Макдональд*: Heather McDonald, «Send a Message to God: He has gone too far this time», *Slate Magazine* (10 января 2005 года), (http://www.slate.com/articles/life/faiithbased/2005/01/send_a_message_to_god.html).
- 30 *Льюис*: Клайв Льюис, «Боль». Перевод: Алексей Цветков. — Чикаго: SGP, 1987.
- 31 *Харт*: David Bentley Hart, *The Doors of the Sea: Where Was God in the Tsunami?* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2011), 15.
- 32 «Господин мой»: Судей 6:13.
- 32 «Вот, я кричу»: Иов 19:7.
- 32 «Восстань, что спишь, Господи!»: Псалом 43:24.
- 32 «Суета сует»: Екклесиаст 1:2.
- 32 «Истинно Ты»: Исаия 45:15.
- 33 «Для чего Ты»: Иеремия 14:9.
- 33 «Боже Мой, Боже Мой»: Матфея 27:46.
- 33 *Ламотт*: Anne Lamott, *Help, Thanks, Wow* (New York, NY: Penguin Books, 2012), 6-7.
- 33 *Бюхнер*: Frederick Buechner, *Wishful Thinking* (San Francisco, CA: Harper & Row, 1973), 46.
- 35 «Последний враг»: 1 Коринфянам 15:26.
- 35 «Се, творю»: Откровение 21:5.
- 37 «Лучше для вас»: Иоанна 16:7.
- 37 «Уже немного»: Иоанна 14:30.
- 38 «Все мироздание»: Римлянам 8:22, Библия: Современный русский перевод. — М.: Российское Библейское общество, 2011.

- 38 *«Кто согрешил»*: Иоанна 9:2.
- 39 *Льюис*: Клайв Льюис, «Боль». Перевод: Алексей Цветков. — Чикаго: SGP, 1987.
- 40 *Рильке*: Райнер Мария Рильке, «Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи». — М.: Искусство, 1971.
- 41 *Франкл*: Виктор Франкл, «Человек в поисках смысла». — Вашингтон: Washington Square Press, 1985.
- 43 *Мид*: Dr. Paul Brand and Philip Yancey, *The Gift of Pain* (Grand Rapids, MI: Zondervan, 1993), 274-275.
- 44 *Психолог на пенсии*: http://usnews.nbcnews.com/_news/2013/01/15/16529522-grandfather-who-comforted-sandy-hook-elementary-kids-says-truthers-are-targeting-him?lite
- 47 *Одного из наиболее трогательных жестов*: <http://www.pe.com/articles/-724341—.html>.
- 48 *«Присутствие другого человека»*: Университет штата Висконсин, Центр по исследованию вопроса боли. Прочитано в книге Питера Грига «God on Mute» (Eastbourne, England: David C. Cook/Kingsway, 2007), 275.
- 49 *Лютеранский епископ*: Martin Marty, *A Cry of Absence* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1997), 180.
- 49 *«Страдает ли один член»*: 1 Коринфянам 12:26.
- 49 *«В Мое воспоминание»*: Луки 22:19.
- 51 *«Вспомни же»*: Иов 4:7.
- 51 *«Да будет воля Твоя»*: Матфея 6:10.
- 52 *«Любящим Бога»*: Римлянам 8:28.
- 53 *Джо Берти*: <http://bigstory.ap.org/article/marathon-runner-witnesses-double-disasters>.
- 54 *Харт*: David Bentley Hart, *The Doors of the Sea: Where Was God in the Tsunami?* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2011), 103-4.
- 56 *Маркс*: John Marks, *Reasons to Believe: One man's journey among evangelicals and the faith he left behind* (New York: HarperCollins, 2009), 167.

Часть 3. Когда Бог проспал

- 65 «Тот, Кто в вас»: Иоанна 4:4.
- 67 «Бытовала шутка»: Steven Galloway, *The Cellist of Sarajevo* (New York, NY: Riverhead Books, 2008), 70.
- 70 Мирослав Вольф: *Free of Charge: Giving and Forgiving in a Culture Stripped of Grace* (Grand Rapids, MI: Zondervan, 2005), 190-191.
- 72 Поток: Chaim Potok, *My Name is Asher Lev* (New York: Alfred Knopf, 1972), 114.
- 73 «Я изнемог»: Псалом 68:4.
- 73 «Время»: Псалом 118:126.
- 74 «Дочь Вавилона»: Псалом 136:8.
- 74 «Буду говорить»: Иеремия 12:1.
- 74 «Доколе, Господи»: Аввакум 1:2.
- 75 Рор: Richard Rohr, *Job and the Mystery of Suffering* (New York: Crossroad Publishing, 2006), 92.
- 75 Еврейский раввин: Jerome Groopman, M. D., *The Anatomy of Hope* (New York: Random House, 2005), 78-79.
- 76 «Се, дева во чреве приемет»: Исаия 7:14.
- 76 «Чудный, Советник»: Исаия 9:6.
- 76 Уолтерсторфф: Nicholas Wolterstorff, *Lament for a Son* (Grand Rapids, MI: William B. Eerdmans, 1987).
- 77 «И Слово стало плотью»: Иоанна 1:14.
- 77 Бонхёффер: Дитрих Бонхёффер, «Соппротивление и покорность». Пер. с нем. А. Б. Григорьева. — М.: Прогресс, 1994.
- 77 Петерсон: Eugene Peterson, *The Message* (NavPress: Colorado Springs, CO, 1993).
- 78 «Слава в вышних Богу»: Луки 2:14.

- 78 *Величайшая резня*: J. E. Lendon, «The Roman Siege of Jerusalem», *Military History Quarterly*, Summer 2005, http://www.preteristarchive.com/Bibliography/2005_lendon_roman-siege.html.
- 79 «*Иерусалим! Иерусалим!*»: Луки 13:34.
- 80 *Ноуэн*: Из книги Шарона Галлахера «Where Faith Meets Culture: A *Radix* Magazine Anthology» (Eugene, OR: Cascade Books, 2010), 10-11.
- 80 *Уиман*: Christian Wiman, *My Bright Abyss* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2013), 155.
- 84 «*На земле, как на небе*»: Матфея 6:10.
- 84 *Джонс*: E. Stanley Jones, *The Way* (Nashville, TN: Abingdon Press, 1946), 232-233.
- 86 *Фокс*: Michael J. Fox, *Lucky Man* (New York: Hyperion Books, 2005), 5.
- 87 «*Хвалимся*»: Римлянам 5:3.
- 87 *Ситсер*: Джерри Ситсер, «Скрытая благодать». — СПб.: Мирт, 2006.
- 90 *Заключительная глава*: Jerry Sittser, *A Grace Revealed* (Grand Rapids, MI: Zondervan, 2012), 260.
- 91 *Уиллард*: Dallas Willard, *The Divine Conspiracy* (San Francisco, CA: HarperSanFrancisco, 1996), 336.
- 91 «*Кто отлучит*»: Римлянам 8:32-35.
- 92 *Робинсон*: Marilynne Robinson, in Alfred Corn, ed., *Incarnation* (London: Viking Penguin, 1990), 310-311.
- 93 *Ортберг*: Статья Джона Ортберга «Don't Waste a Crisis» в журнале «Leadership Journal» (Зима 2011), 37.
- 94 *Пола Д'Арси*: Статья Пола Д'Арси «Is There Life After Death?» в журнале «U.S. Catholic» (Январь 2006), 19.
- 95 *Шотландка*: Прочитировано в книге Пита Грейга «God on Mute» (Eastbourne, England: David C. Cook/Kingsway, 2007), 159.

- 96 *Лютер*: Martin Luther, «Colorful Sayings of Colorful Luther», *Christian History*, No. 34, 27.

Часть 4. Исцеляя зло

- 97 *Адам Лэнза*: Восстановить хронологию событий мне помог сайт snp.com, а также многочисленные статьи в газетах «Дэнбери Ньюз Таймс» и «Хартфорд Курант». На момент написания этой главы официальный отчет полиции еще не был опубликован, поэтому данная хронология лишь ориентировочная.
- 104 *Один из скорбящих родителей*: «The New York Times» (20 января 2013 года).
- 109 «*Те, кто наблюдают*»: <https://www.facebook.com/miroslav.volf.12/posts/463923590321596>.
- 109 «*Вы можете протестовать*»: Miroslav Volf, *Free of Charge: Giving and Forgiving in a Culture Stripped of Grace* (Grand Rapids, MI: Zondervan, 2005), 229.
- 109 *Туту*: Desmond Tutu, *No Future Without Forgiveness*, (New York: Doubleday, 1999), 86.
- 110 *Докинз*: Richard Dawkins, *River Out of Eden: A Darwinian View of Life* (New York: BasicBooks, 1996), 133.
- 111 *Гулд*: Stephen Jay Gould, *Full House: The Spread of Excellence from Plato to Darwin* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011), 18.
- 112 *Бергман*: Ингмар Бергман, «Исповедальные беседы». — М.: РИК «Культура», 2000, стр. 181.
- 113 *Даусэт*: Ross Douthat, «The Loss of the Innocents», *The New York Times Sunday Review* (15 декабря 2012 года), SR12.
- 113 *Камю*: Альбер Камю, «Чума». — М.: АСТ, 2014.
- 114 *Теннисон*: Alfred Lord Tennyson, *In Memoriam: A. H. H.* (Boston, MA: MobileReference, 2008, Kindle Edition).

- 114 *Клэйпул*: John Claypool, *Tracks of a Fellow Struggler* (Dallas, TX: Word Publishing, 1974), 82-83.
- 116 *Бонхёффер*: Dietrich Bonhoeffer, *The Martyred Christian* (New York: Macmillan Publishing, 1983), 183.
- 117 *Уолтерсторфф*: Nicholas Wolterstorff, *Lament for a Son* (Grand Rapids, MI: William B. Eerdmans 1987).
- 118 *Шанью*: Прочитировано в статье Терри Маттингли <http://www.knoxnews.com/knoxville/life/terry-mattingly-why-not-blame-god-for-shootings> (21 декабря 2012 года).
- 120 *Достоевский*: Федор Достоевский, «Братья Карамазовы». — М.: АСТ, 2005.
- 121 «Слово стало плотью»: Иоанна 1:14. Eugene H. Peterson, *The Message* (Colorado Springs, CO: NavPress, 1993), 185.
- 121 «Глас в Раме»: Матфея 2:18.
- 122 «Денвер Пост»: http://www.denverpost.com/news/ci_22243944/connecticut-school-shooting-columbine-survivors-tell-newtown-families#ixzz2FtHuynqY.
- 123 *Мюррей*: <http://abcnews.go.com/International/tennis-star-andy-murray-remembers-dunblane-shooting-massacre/story?id=17995450#.UYp66bV-p8E>.
- 124 *Дрейн*: John Drane, «Was God in Dunblane?» *Baptist Times*, 21 марта 1996 года, 8.
- 127 «Страдания наши легки и мимолетны»: 2 Коринфянам 4:17, Библия: Современный русский перевод. — М.: Российское Библейское общество, 2011.
- 127 «Если мы в этой только жизни»: 1 Коринфянам 15:19.
- 127 *Фридрих Рюккерт*: [https://ru.wikisource.org/wiki/Песни_об_умерших_детях_\(Малер\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Песни_об_умерших_детях_(Малер)).
- 128 «Если бы я и ожидать стал»: Иов 17:13-15.
- 131 «И ответ Бог всякую слезу»: Откровение 21:4-5.
- 131 *Донн*: Джон Донн, «Смерть, не тщеславься». Английская лирика первой половины XVII века. — М.: Изд-во МГУ, 1989.

Часть 5. Три величайших испытания

- 133 *Кьеркегор*: Soeren Kierkegaard, "The Author of the Proofs," ed. Thomas C. Oden, *Parables of Kierkegaard* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978), 35.
- 134 «Образ Бога невидимого»: Колоссянам 1:15.
- 136 *Дауд*: Maureen Dowd, «Why, God», *The New York Times*, 26 декабря 2012 года, A25.
- 137 «Благословен Бог»: 2 Коринфянам 1:3-4.
- 137 «Я иду»: Иоанна 14:2.
- 138 *Уэйт*: Эти слова Терри Уэйта процитированы в книге Джеймса Пакера «Rediscovering Holiness: Know the Fullness of Life with God» (Ann Arbor, MI, Servant Publications, 1992), 270.
- 139 *Герберт*: George Herbert, «The Glance», ed. C. A. Patrides, *The English Poems of George Herbert* (Totowa, NJ: Rowman and Littlefield, 1981), 177.

Как вопиющие грехи служат славе Христа

ЗЛО

ТОРЖЕСТВУЕТ И
ПРОИГРЫВАЕТ

Бог вынуждает зло к самоубийству...

Даже самые вопиющие грехи в людской истории Бог неизменно обращает на добро, заставляя их служить вселенской славе Иисуса Христа.

Эта книга о том, как Бог использует зло в достижении победы над злом; как Библия неоспоримо показывает нам, что грех, болезни и страдания никогда не оставались в стороне от благого владычества безгранично мудрого Бога, но всегда являлись частью Его совершенного плана и благой воли. Приоткрывая Божью логику устройства нашего мира и роли зла в нем, она дает ясное представление о Боге, Который не подведет нас даже в худшие из времен, и позволяет видеть и прославлять Его посреди испытаний и скорби.

“

Передо мной стояла цель укрепить вашу веру в благодать, милосердие, мудрость и силу Бога – и не просто посреди бедствий, но в тех самых грехах, нити которых вплетены в ткань этих бедствий.

”
Джон Па́йпер

Издательская группа «Нард»
Драгоценное миро
для Тела Христова

Тел. (044) 599-1929
E-mail: nard@nard.com.ua
www.nard.com.ua

Через трудные времена – с надеждой

В РАДОСТЬ ОБРАТИ МОЙ ПЛАЧ

Эта полная утешения и вместе с тем глубоко реалистичная книга рассказывает не о том, как пережить времена испытаний, но как можно жить всей полнотой настоящей жизни посреди страданий – и выйти далеко за их пределы.

Щедро черпая из глубокого колодезя мудрости и опыта Генри Ноуэна – одного из самых выдающихся христианских писателей и мыслителей современности, – она дарует читателю истинное ободрение, не сбиваясь при этом на банальности. Всегда практичная, чуждая упрощений, книга ненавязчиво указывает путь к жизни, укорененной в Божьем постоянстве и вечной надежде, – жизни, которая готова искренне ликовать даже посреди самой темной ночи.

“
*Тайна радости
состоит в том,
что путь к ней
обнаруживается
в плаче*

Генри Ноуэн”

Издательская группа «Нард»
Драгоценное миро
для Тела Христова

Тел. (044) 599-1929
E-mail: nard@nard.com.ua
www.nard.com.ua

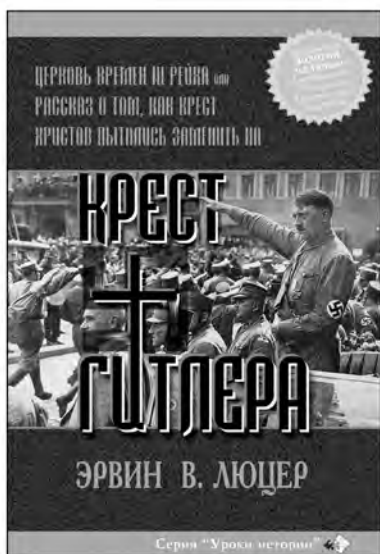

**Уроки из истории Церкви –
наследие прошлого, которое полезно знать сегодня...**

КРЕСТ ГИТЛЕРА

Это рассказ о реальном конфликте между двумя спасителями и двумя крестами.

Личность Гитлера по праву считается одной из самых зловещих, но и наиболее загадочных в истории человечества. Кровавый след, оставленный Третьим Рейхом — концлагеря, Холокост, десятки миллионов отнятых и искалеченных жизней, — едва ли будет когда-нибудь забыт. Как случилось, что в стране, где большинство населения считали себя христианами, творились столь чудовищные преступления? И где же была в это время церковь?

В книге «Крест Гитлера» автор исследует те уроки, которые можно извлечь из истории церкви Третьего Рейха, а также очевидные параллели между эпохой Гитлера и грядущим приходом Антихриста.

Издательская группа «Нард»
Драгоценное мирот
для Тела Христова

Тел. (044) 599-1929
E-mail: nard@nard.com.ua
www.nard.com.ua

Как побороть самый большой страх в жизни

ПОБЕДА НАД СМЕРТЬЮ

Ранние христиане с издевкой называли смерть тираном, которого свергнул Христос. Они твердо знали, что конец их земной жизни на самом деле был славным началом, и что лучшее ожидает их впереди.

Можем ли мы обрести такую же уверенность? Могут ли сегодня верующие встречать смерть с таким же мужеством, спокойствием и триумфом? Безусловно, – отвечает автор этой книги. – Смерть Иисуса была не концом, а началом новых взаимоотношений, и если мы берем пример с нашего Учителя, то, когда придет последний час, мы будем готовы. Он умер в вере и был вознагражден воскресением – то же самое ожидает и нас.

Начните читать, и вы найдете ответы на многие непростые вопросы, постигая славную истину о том, что благодаря Иисусу смерть умерла навсегда.

“
Стоя в присутствии Христа и заглядывая в Его опустевшую гробницу, мы видим смерть такой, какая она есть – пугающим врагом, власть которого была сокрушена.

Эрвин Люцер”

Издательская группа «Нард»
Драгоценное миро
для Тела Христова

Тел. (044) 599-1929
E-mail: nard@nard.com.ua
www.nard.com.ua

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ОБИДЫ

Кто-то распространяет о вас лживые слухи? Вы пережили отвержение или даже насилие? Может быть, кто-то не сдержал обещаний или нарушил конфиденциальность разговора.

Естественно, вы исполнены гнева. Ваши раны вызывают о мщении! Но что если справедливость невозможна по эту сторону небес? Что если ущерб уже не возместить? Что тогда?

Можно держаться за свой гнев, пока ненависть не возведет вокруг вас тюремные стены горечи. В этой клетке вы станете жить ущербной и исполненной боли жизнью. Или... вы можете выбрать прощение.

Автор показывает нам, как Бог смотрит на обидчика и его жертву, предлагая читателю глубже осознать проблему с обеих ее сторон. Осознать, чтобы увидеть высший смысл в нанесенных нам ранах и научиться идти по жизни, извлекая из них правильные уроки.

“
Не позволяйте глупым и мелочным проступкам затерявшегося в прошлом обидчика держать вас прикованным к жизни в страданиях и гнев. Пусть ваши раны превратятся в шрамы, и снова начните жить. Я молюсь, чтобы вы были готовы к этому сегодня.

Эрвин Люцер”

Издательская группа «Нард»
Драгоценное миро
для Тела Христова

Тел. (044) 599-1929
E-mail: nard@nard.com.ua
www.nard.com.ua

В поисках цели, смысла и истины

СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ

Эта книга – о счастье в жизни. Мы все хотим его обрести, и потому непрерывно спрашиваем себя, что же действительно важно под солнцем. Почему жизнь так светна, запутанна и полна парадоксов? Что делает ее ценной, придает ей смысл? Зачем мы живем? Все эти вопросы приходят на ум каждому, – и во времена кризиса, и в рутине повседневных событий.

На примере реальных историй из жизни самых разных людей автор книги, который и сам прожил поистине удивительную жизнь, поднимавшую его к заоблачным высотам политического олимпа США и низвергавшую в долины скорби, отчаяния и всеобщего презрения, пытается найти ответы на этот ворох мучительных вопросов – что же такое

счастливая жизнь.

“

Настоящее счастье достигается не через материальный комфорт и удовлетворение appetитов. Оно обретается в следовании зову нашей высшей природы, приведении жизни и ее обстоятельств в соответствие с нашим внутренним глубинным устройством.

”
Чарльз Колсон

Издательская группа «Нард»
Драгоценное миро
для Тела Христова

Тел. (044) 599-1929
E-mail: nard@nard.com.ua
www.nard.com.ua

Художньо-публіцистичне видання

Філіп Янсі

Чому?

Питання, яке лишається завжди

(Рос. мовою)

Переклад *Юрій Шпак*

Редагування та підготовка до друку *Олексій Єфетов*

Підписано до друку з готових діапозитивів 16.09.2015.

Формат 60x84/16. Папір книжковий. Друк офсетний.

Тираж 5000 прим. Умовн. друк. арк. 9,1.

Замовлення № 2/09/15

Видавець *ФОП Єфетов О.В.*, м. Київ

Тел. (044) 599-1929

www.nard.com.ua

E-mail: nard@nard.com.ua

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи

ДК № 1700 від 24.02.2004 р.

Друк: *ФОП Поліщук О.В.*, м. Київ

тел. (044) 592-1349

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи

ДК № 2142 від 31.03.2005 р.